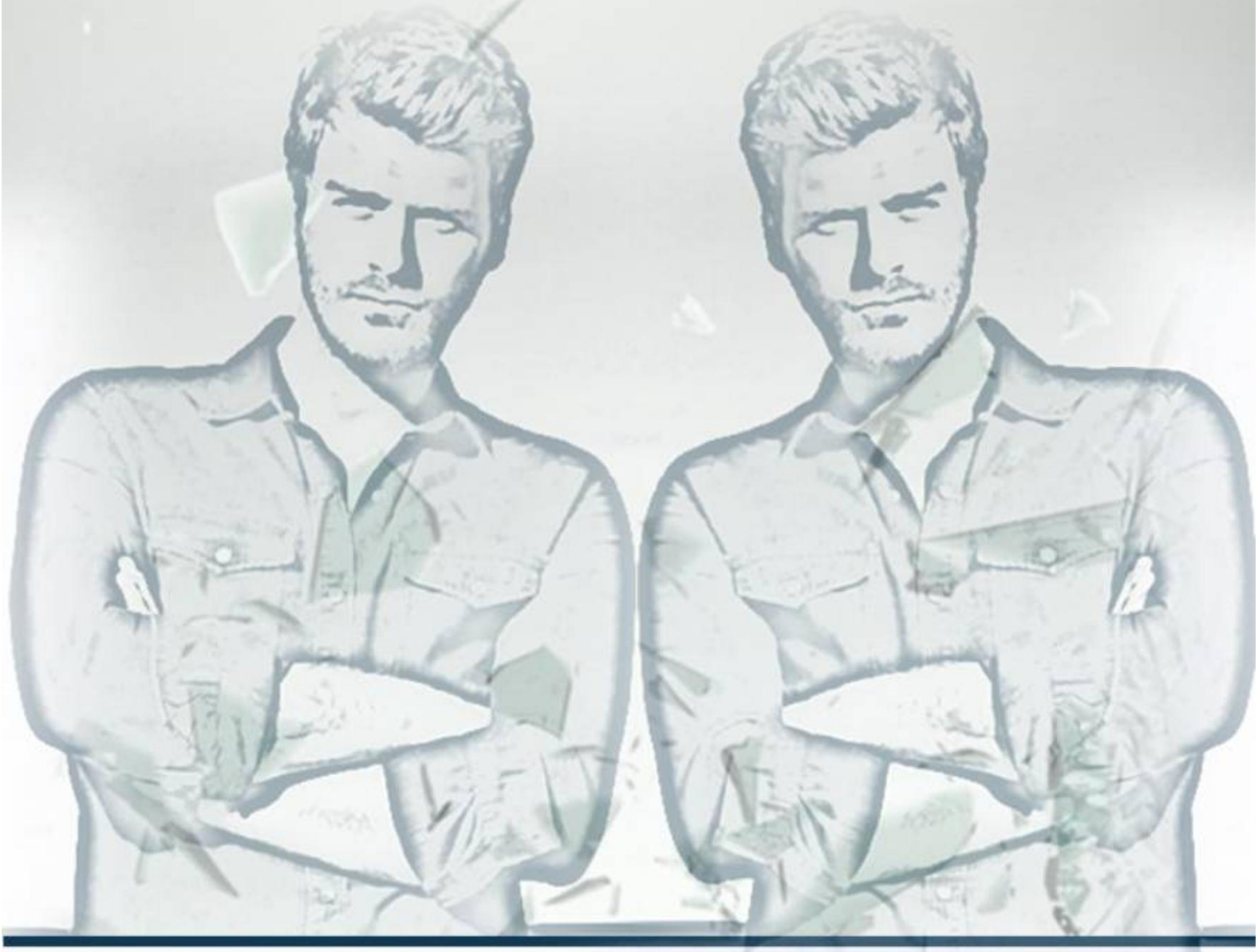
Евдокия Краснопеева



Дуэт

Благое дело

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Евдокия Краснопеева

Благое дело. Дуэт

«Автор»
2026

Краснопеева Е.

Благое дело. Дуэт / Е. Краснопеева — «Автор», 2026

Взглянуть на себя со стороны и понять, что ты мог быть совсем другим человеком, что было то, чего ты в себе не заметил и прошел мимо этого, – непросто. Увидеть, что твои ошибки — твой груз, а ответственность не делится ни с кем, лишь множит чувство вины, — тяжело. А доказывать себе, что всё было не напрасно, — глупоСудьба снова проверяет Матвея Благолепова на прочность: хватит ли у него сил встретить новые испытания лицом к лицу.Перед вами продолжение историй, рассказанных в книгах «Благое дело» и «Благое дело. Вариант Б».

© Краснопеева Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 30
Глава 8 34
Глава 9 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Евдокия Краснопеева
Благое дело. Дуэт

Глава 1

Было темно и зябко. Он со стоном растёр ломившее плечо, уже зная, что это только прелюдия к предстоящей оратории боли — к солисту сейчас добавятся и хор, и симфонические инструменты. Хорошо, что такие «концерты» теперь случались нечасто, напоминая о временах тяжёлых …

Полгода он не жил – лишь ощущал себя. Тело, скроенное и сшитое искусным хирургом заново, заявляло о своём намерении установить главенство над его разумом и волей.

Матвей возражал! Он истязал себя гимнастикой, не смотря на советы врача не форсировать события – принимать обновленного Благолепова постепенно, с терпением.

Терпения ему было не занимать — он терпеливо сносил боль в своём неуклонном стремлении стать прежним Матюхой Благим.

Терпение кончилось у врача. Об этом он и сказал Катерине.

— Ваш братец, Катерина Артёмовна, стремиться сделать то, что мне удалось ценой невероятных усилий предотвратить — загнать себя в гроб. Я ему в том не помощник.

На что Катенька ответила ледяным тоном:

— Матвей всегда поступает сообразно своим желаниям и всегда оказывается прав в своём выборе. Если вы не готовы ему содействовать, лучше прекратить наше сотрудничество.

— Это я и пытаюсь вам сказать.

— Я вас услышала. Будьте добры оформить выписные документы, к вечеру мы уедем.

Врач был уязвлён, но вида не подал и даже простил. Он помнил лицо этой женщины, когда вышел из операционной после двенадцатичасовой операции. Она сидела на полу у дверей с белым замершим лицом и только дрожащие уголки губ оповещали о её чувствах.

Врач остановился и, неимоверно уставший, сказал прямо:

— Я ничего не обещаю.

Катерина не дрогнула от страшного известия о возможности лишиться брата, рот затвердел и губы перестали трястись.

— Пока у Матвея есть я — Екатерина Благолепова, с ним ничего не случится. Моей твёрдости хватит на обоих.

Её твёрдости хватило — Матвей выжил.

Её твёрдости хватило и на остальное — она вошла к брату в палату и сказала весело:

— Подумала, хватит тебе мариноваться по больничным койкам — мотай к Полуярову. В прошлый раз он тебя из ямы вытащил, поможет и на этот раз.

И Матвей оказался у Назара Полуярова. О том, что, по сути, с ним незнаком, не печалился. И Назар принял его отчуждённость, как данность. Сказал всем:

— К Матвею не приставать – мужик заново родился, ему не просто.

И поблажек ему не давал, спросил только раз:

— До какой степени ты серьёзен в своих намерениях?

— Намерен стать лучше, чем был прежде, — сквозь стиснутые зубы ответил Благолепов.

И Полуяров не подвёл: тренажёры, силовые нагрузки, массаж, диета… Никаких обезболивающих! — не можешь избавиться, привыкай. А Матвей и не спорил – и привык! — боль стала его спутницей на эти непростые четыре месяца. А день, когда он смог выйти победителем из схватки с тремя адептами «Белой кости», стал вторым днём его рождения.

— Я в тебе не сомневался.

Сказал на прощание Назар и солгал. Он сомневался! Сомневался до того, что держал реанимационную бригаду «под рукой» в течение всего времени пребывания Благолепова на своей базе.

Катерина наполнилась благодарностью и в телефонном разговоре с Полуяровым, сообщившем, что Матвей возвращается домой, сказала:

— Мне с тобой за всю жизнь не расплатиться. Сделаю всё, что ты попросишь.

— Клянёшься? — засмеялся Назар.

— Клянусь!

— Хочу быть шафером на твоей свадьбе… Скажи об этом Трубецкому.

— А-а! И Трубецкого на свадьбу пригласить?

— В качестве жениха, Катя.

Молчание в трубке затянулось, и Назар напомнил:

— Ты поклялась.

— Хочешь, чтобы я сделала ему предложение, иными словами.

— Да. Сам он ни за что не решится, хотя и — смелый человек. Скажешь?

— Конечно! Я же слова дала, — и вдруг засмеялась, — что ты скажешь, если я получу отказ?

— Что небо упало на землю…

Об этих пересудах Благолепов не знал. Он лежал в шезлонге на балконе своего номера, откуда открывался панорамный вид на мерцающее в лунном свете озеро. Было тихо, с озера тянуло свежестью. Было темно и зябко. Завтра он покинет гостеприимную базу Полуярова, вернётся домой.

Поехал поездом и под неспешный перестук колёс думал о том, что, наконец-то, встретится с друзьями.

Тогда… очнувшись после операции, понял, что может шевелить только мозговыми извилинами и губами. Прервал хриплым шепотом довольное бормотание врача, вещавшего о хорошей динамике его состояния:

— Никого, кроме сестры, не желаю видеть.

И не изменил своего решения до сегодняшнего дня. Теперь он мог с ними встретиться: не жалким калекою, прикованным к больничной койке, а Матвеем Благолеповым в полном объёме и полном своём совершенстве.

Он знал о них практически всё — Катюша взяла на себя эту связующую роль между ним и миром, не позволяя замкнуться в узких рамках противоборства с недугом. Она повествовала о достижениях, успехах, просчетах и неудачах парней, сопровождая рассказы фотографиями и деталями настолько подробными, что Матвей однажды, не удержавшись, удивился:

— Откуда тебе известно? Ты большую часть времени проводишь со мной. А ту, что не проводишь, отдаёшь холдингу.

Катерина сделала глаза круглыми и, комично сморщив носик, ответила:

— Наняла частного детектива и пронырливого репортёра.

Тогда Матвей впервые после долгого времени рассмеялся от души… и, наверное, именно тогда поверил, что все его усилия вернуться к полноценной жизни не напрасны.

Андрей Трубецкой остался верен себе — всё, что предпринимал, приносило доход и неоспоримую пользу. И «Благому делу» он не дал заглохнуть. Категорично, без подобострастия заявил Великому Князю Дмитрию Николаевичу:

— Мы ставим проект на паузу, пока Матвей не поправится активных действий предпринимать не будем. Займёмся накоплением фактов и формированием архивных фондов.

— Иными словами, — усмехнулся Дмитрий, — соберём досье на всех значимых игроков внутриполитической и внутриэкономической жизни страны.

— Будет на то ваша воля, и за рубеж заглянем.

На том и договорились.

Ухватову бросить ординатуру Андрей не позволил.

— Ты доучишься и вернёшься к нам полный новых практических знаний. Поверь, они нам пригодятся. Ты уже доказал – без них нельзя, не окажись ты рядом, у Матвея не было бы ни одного шанса.

Они о Матвее не забывали, приняв его решение не видеться, делали всё, чтобы расставание не обратилось поражением в дружбе. Рассказывали подробно о своих делах Екатерине и готовились к встрече с Матвеем, веруя в её предопределённость.

А Сашка Поскрёбышев так и вовсе пригрозил, что едва «Матюша встанет на ноги», заберёт его «под крыло своей юрисдикции» и всех будет допускать к общению в режиме «стратегического объекта», во избежание «новых нелицеприятных инцидентов». На что Трубецкой ему живо возразил:

— Ты еще предложи его в список золотовалютных резервов включить.

И они опять едва не поссорились…

Удивительная способность у его друзей детства одновременно быть антагонистами и практически братьями.

Обо всем этом Матвей размышлял уже по приезду, неспешно двигаясь по улицам вечереющего города. Шагал налегке, багаж в виде чемодана с пожитками еще с базы отправил грузовым рейсом. Через плечо свисал лишь рюкзак с самыми необходимым – карточки, ключи, капли для глаз… коробка с миндальными пирожными для Кати, приготовленными поваром Назара специально для неё!.. и тонкий свитер, который стянул со своих плеч, посчитав, что вечер достаточно мягок.

Откуда выскочила машина он не заметил – ощутил у своего бедра дышащий смертью металл и, не задумываясь, с места крутнул сальто, подбрасывая своё тело вверх. Сгруппировал мышцы, ожидая неминуемо последующего контактного соприкосновения… и приземлился мягко, на полусогнутые ноги – как на уроке у Полуярова. Пока совершал эти жизненно необходимые манипуляции, слышал и визг тормозов, и скрежет, и звук удара…

Огляделся. Стального цвета автомобиль неизвестной ему марки с эмблемой птички на капоте развернуло посреди дороги. Из неё выскочила встрёпанная девчонка и истерично завопила:

— Урод грёбаный! Хлебало раззявил! – и мотнулась к капоту машины, оглядывая, как видно, нанесённый ущерб.

Застонала:

— Епс тудей! — и снова резко повернулась в сторону Матвей. — Стой, урод! Никуда не уходи! — и вытащила телефон, и затыкала по экрану пальцами, продолжая выкрикивать. — Стой, не двигайся!

— Да стою я… — несколько озадаченно откликнулся Благолепов.

Озадачился он странными обстоятельствами, судя по реакции девушки, с капотом – караул! А причину этого «караула» он не видел – никакого другого транспортного средства, кроме «птички» в обозрении нет… сам он невредим. Выходит, «караул» и тут — мимо! Может быть, какой-то новый способ автодорожной подставы?.. Да нет, не скакни он так проворно, «птичка» его бы уже по асфальту растёрла…

Так и сказал приехавшему патрулю автодорожной инспекции.

— Командир, я ж – не робот. Металлических запчастей на теле не имею. Приложись я к её капоту, от меня мокрое место осталось бы.

Служитель Автодора согласно кивнул и поинтересовался:

— Эт, как же ты так далеко скакнуть смог? Будто на крыльях.

— С перепугу должно быть, больно жить хочется… — только и смог ответить Матвей.

Матвея они отпустили, записали его данные и рукой махнули:

— Топай, куда шёл! А вы, гражданка, — сказали пострадавшей стороне, — следуйте за нами. В Пункте Порядка сможем проследить историю вашего передвижения по городу.

— Зашибись! — сказала девчонка зло, — сейчас я ещё и виноватой выйду.

Впрочем, за руль села уверенно и машину тронула без суеты. Благой слегка помедлил, благородная часть натуры требовала вмешательства, а практическая настаивала идти восвояси.

И он ушел, но мыслями всё время возвращался к инциденту. Звуки аварии он слышал, если, конечно, в голове не перемкнуло от акробатического этюда… Под эти размышления и прибыл на место. Вернее, должен был прибыть на место. Огляделся – яблоками не пахло! Конечно, не сезон. Но и сада в округе нет! А что есть?

Переулок, должный открыть взору особняк Благолеповых, заканчивался улицей, ярко мигающей огнями рекламных лозунгов. Он внимательно огляделся. Да и переулок тот ли?

Означать это могло лишь одно… И Матвей остро пожалел сестру — что станет с ней? Как она переживёт потерю брата? Или тот, кто играет его судьбой, милостив, и дарует Катерине новую версию Матвея Артёмовича Благолепова? Или вернёт старую… Ответов у него не было.

Глава 2

Благой вздохнул:

— Искал ножа, а нашёл ежа…

И пошёл навстречу неожиданному, надеясь, что оно, как минимум, позволит… добиться потрясающих результатов во всем, что предназначено, и поспорить с тем, что предопределено.

А потом оказалось, что и про нож упомянул неспроста! Уже приближаясь к залитой светом авеню, заметил на противоположной стороне переулка, в полутёмных задворках какого-то пафосного здания, копошение и сумятицу. Какие-то личности, выскакивали из автомобиля…

Матвей уже был готов отвернуться, но копошение и сумятица, подсвеченные загоревшимися фарами машины, материализовались в виде пятерых мужчин. Они вразвалочку приближались к человеку, вышедшему через «чёрную» дверь. От пыхнувших направленных лучей человек ослеп и, прикрываясь ладонью, пытался понять происходящее.

Благой со злостью сплюнул – похоже, его решили сразу взять в оборот: сначала – помоги девчонке; теперь – и того хреновее! — заступись за парня. «Матюха Благой — рыцарь в золочёных доспехах! — идейка так себе: для болванов», — хмуро сказал себе Благолепов, но движение своё замедлил. Мужчина опустил руку и заговорил. Слов Матвей не слышал, но риторика была неспешной – похоже, разберутся сами…, и он снова решил не идти на поводу невидимого сценариста. И отвернул голову в сторону! Однако неведомый автор выбора ему не предоставил — звуки начавшейся потасовки были впечатляющими, и Благой не мог не взглянуть. А взглянув, уже не мог оставаться безучастным. Ибо в середине кучи-малы отбивался от нападавших Алёшка Ремизов. Разве Благой мог не узнать его резких движений, коротких точных ударов? Сколько раз они вместе их отрабатывали – и не счесть!

Матвей бросился на помощь, но помочь успел не сильно много – всего пару оплеух отвесил, как заметил блеснувший в руке у Ремиза нож.

— Да, едрит твою… канитель! — подскочил к парню. — Дай сюда!

И едва не напоролся на лезвие брюхом — в пылу потасовки не учёл, что знакомство с Ремизовым может быть односторонним. А так, по всей видимости, и было: Алёшка ударил, и только молниеносная реакция спасла Благого от ранения. Что оставалось делать? Он перехватил руку парня, сжал запястье и, вывернув, выхватил клинок.

— Сколько раз говорил? — не смей «шайтан» трогать! Не для твоих рук деланный, — и вмазал своему «якобы другу» безо всякой поблажки так, что парень повалился на асфальт.

Потом повернулся к несколько обалдевшим оппонентам.

— А вот мне он – в самый раз!

— Ты кто?

— Дизайнер…

Оповестил нестеснительно Благой и доказал это — в результате его активных действий все нападавшие оказались с разрезанными по бокам, едва не до колен, брюками. Держали руками падающие штаны и смотрели на Благолепова круглыми глазами. Матвей отступил в сторону и доверительно поинтересовался:

— Теперь что делать будем?.. Предлагаю поработать над дизайном нижнего белья.

Они ломанули к своей машине и уже оттуда разразились угрозами. Матвей послушал и проворчал себе под нос:

— Нужно было не миндальничать – вместе с трусами резать… неблагодарные твари.

Ремиз заворочался на асфальте, пытаясь присесть. Тут дверь «чёрного» входа распахнулась и четверо мужчин в антрацитового цвета костюмах весьма озабоченно вывалили наружу. Один сразу метнулся к Алёшке, помогая.

— Господин Реми, господин Реми… — твердил он.

Трое других навалились на Благолепова, заломали руки, понуждая согнуться. Он не сопротивлялся. Лишь сказал, взглянув исподлобья на приближающегося господина Реми:

— Скажи своим сторожам, чтобы отпустили, не то и им наваляю… злой я сегодня.

Алёшка подошёл и ударил – коротко, сильно! — под вздох. Сплюнул.

— Это тебе за то, что ударил меня…

Такого Благой не ожидал, и, хотя всё же успел напрячь мышцы пресса дыхание сбилось. Отдышавшись, ответил:

— Прав – дурак я, надо было идти мимо… или врезать тебе посильнее, чтоб до утра в себя не пришёл.

Теперь удар нанёс бодигард, сбоку – в ухо. Хорошо приложил! – в голове зазвенело.

— У этого парня удар лучше, чем у тебя, — Матвей засмеялся, поверить не мог, что «брат» — Алёшка Ремиз, избивает его самым подлым образом.

Это было забавно! Как не смеяться?

— Да что ты! — раздалось из-за спины, — Главное – не умение ударить, а умение держать удар. Вот с этим у них всех – проблемы.

Новый персонаж нарисовался стремительно – его слова, сопровождались действиями, и через минуту Благой был свободен от живых оков. Все «оковы» валялись на земле и не шевелились. А новоприбывший повернулся к господину Реми.

— Жаль, не могу освободиться от застарелого чувства вины, не то и тебе бы вмазал.

Ремизов забегал глазами, перемещая взгляд от новенького к Матвею, и неожиданно громко «заржал».

— Ну, прикол! Двое из ларца — одинаковы с лица!

Новенький резко повернул голову в сторону Благолепова и встретился с ним взглядом.

— Близнецы что ли? — не переставал веселиться Алёшка.

— Однояйцовые… едрёна феня, — только и смог ответить потрясённый Матюха Благой.

Перед ним стоял он сам! Одетый вполне демократично — в синие джинсы и бежевую ветровку… ту самую ветровку, в которой некогда прожег сигаретой дырку на рукаве и, дабы минимизировать ущерб, прижарил утюгом заплатку в виде кружочка с надписью «о'к».

— Что, бить не будешь? — нагличал Ремиз. — Тогда — покеда! — И, развернувшись, исчез в дверях черного входа.

— Выходит, здесь он — плохой парень, — удивился Матвей.

А потом удвоил удивление, обращаясь уже к «себе»:

— Что ты здесь делаешь?

— Саботирую.

— С целью?

— Хочу обратно.

— К себе, или ко мне?

— К тебе?

Кивнул на заштопанный рукав:

— Курточка моя.

— Всё равно куда – лишь бы обратно. Не площадный гаер, чтобы таскаться по переулкам Зазеркалья. Может их — тысячи! Мне в каждый заглянуть?

«С языка снял», — подумал мрачно Благой.

— А ты здесь зачем?

— Хотел бы знать, да задать вопрос некому. Хотя… — он засмеялся, — предположить могу. Раз ты – забастовщик, я – за штрейкбрехера, никак не иначе!

Они взглянули друг на друга и, не сговариваясь, двинулись в сторону оживлённой улицы. Держались на расстоянии, но разговор не прекращали.

— Давно здесь?

— С полгода – сижу ровно, ничего не делаю, ни во что не вмешиваюсь — жду, когда ЕМУ надоест.

— ЕМУ?

— ЕМУ, ИМ – какая разница! Завершения хочу, чем бы не закончилось.

Матвей вздохнул — правильные слова. Начать всё заново? Прожить ещё одной выдуманной жизнью? — когда всё уже и так смешалось, и грань между бывшим спецназовцем Матюхой Благим и отставным дипломатом Матвеем Благолеповым стёрлась до того, что стала неразличимой… Сил не было! Выходит, и Он так думает. И тут же сардонически хмыкнул: а как иначе? Ведь Он – это ты. А ты – это Он!

Матвей резко остановился.

— Нужно договориться. Раз уж мы в глазах окружающих — близнецы…

— Считаешь, нам нужно держаться вместе?.. Пожалуй, если хотим покончить с этими внезапными перемещениями. — Улыбнулся и протянул ладонь. — Можем попробовать прямо сейчас. Ты фантастику почитывал?

— Не очень, всегда был материалистом. А что?

— Некоторые авторы утверждали, что две ипостаси одного человека не могут вступать в прямой контакт между собой.

— И что случится?

— Не знаю, в книгах никто не осмеливался. Но прочили вселенский бум.

Матвей почесал нос:

— Склонен этому верить?

И протянул свою ладонь, завис над предложенной ладонью, прислушиваясь к ощущениям. Ощущений не было…

— Да – бред… — не утверждал, скорее сомневался и размышлял, — По сути, мы — один человек. Я – правая рука, ты – левая.

— Почему не наоборот?

— Ладно, — улыбнулся, — не комплексуй, после Полуярова я — практически амбидекстр.

— Ты тоже был у Назара… — задумался, — но по содержанию мы не идентичны. К примеру, я никогда не преподавал историю…

— А я не знаком с Эльжбетой…

Оба быстро отдёрнули ладони.

— Обойдёмся без фамильярностей… по крайней мере, пока. Но с именами нужно решать.

— Согласен. Матюха Благой – это, без сомнений, ты. Выходит, перекреститься предстоит мне… В Польше моё имя звучит, как Матеуш. А сокращают до Теуша, порой до Тео. Тео – это краткая форма часто употребляется и к другим именам: Фёдор, Тимофей… оптимальный вариант. Но, имя Тео мне не нравится. Поэтому, я согласен на Теуша.

— Хорошо. Но и я за справедливость — «Матвей» не достанется никому. Называй меня — Мэт.

— Договорились: ты — Мэт Благой, я — Теуш… — засмеялся, — допустим, Лепов. Считай — покрестились заново, не в обиду будь сказано служителям церкви.

— Думаю, они нас простят, потому, как и не узнают. — новокрещёный Мэт улыбнулся. — Куда направляемся, «брат»?

— Домой, конечно, — ночь на дворе.

— А где у нас дом?

— В гавани. Здесь есть море.

— То есть, место дислокации нам незнакомо.

— Считай, отправили в командировку.

Домом оказался средних размеров катер, слегка потрепанный жизнью, с отслоившейся краской по бокам.

— Неплохо устроился, но мог бы и получше. Душ, ванна – за бортом?

— Причем, исключительно в ночное время и тайком! Штрафы за несанкционированное купание – конские. Парень, что оставил меня на катере, предупредил, чтобы я сторожился.

— Оставил? — выделил из фразы Матвей (нет, уже Мэт!) главное по значимости слово.

— Да… Собственно он меня из моря и вытащил. Сам понимаешь, оказался я здесь весьма нетривиальным образом. После тьмы кромешной вдруг ощутил себя в той же тьме, но в воде! И опять едва не утоп, благо, на этот раз было не такое позорище — тонул не в луже, а в море. Бултыхался там с полчаса, наверное, совершенно без ориентира – и, вряд ли, куда-то плыл. А потом увидел яхту, к ней и двинул. Да обломался!

Глава 3

Рассказывая, хозяин – по имени Теуш! — собирал на стол немудрящий ужин. Кусок варёной говядины поделил напополам и к нему на тарелку подкинул пару картошин «в мундире», придвинул к гостю — угощайся.

— С яхты меня заметили, заорали «человек за бортом!», и я воспрял духом. И напрасно… На вопли вышел хозяин в облипку с тёлками, с интересом на меня потаращился, подмигнул даже. А потом сказал охраннику: «Не будь дурнем, мы — посреди моря, откуда ему взяться? Нет там никого». И они уплыли. А минут через пятнадцать пришёл этот катер, и владелец посудины вытащил меня. Оказывается, кто-то с яхты позвонил и дал координаты.

Теуш со своей порцией ужина устроился на скамье и продолжил рассказ.

— Игорь мужиком хорошим оказался. Я ему наплёл, что ни черта не помню – возражать не стал. Сказал: «от переохлаждения – бывает» и разрешил мне здесь обосноваться – «пока не вспомнишь, или… пока не надоест» - предполагал, что «леплю горбатого», но возражать не стал. Он иногда ко мне заглядывает, я ему с проектом помогаю – расчёты делаю, он с математикой не очень дружен, но голова у парня светлая.

Ко сну расположились прямо на палубе, бросив на дощатый настил спальные мешки. Не спалось обоим: смотрели в небо на едва различимые звёзды – результат неоспоримый в условиях большого города, где никогда не бывает достаточного мрака.

— Вот странно, — сказал Мэт Благой, — чтобы увидеть звёздный свет и им насладиться, необходимо погрузиться во тьму… Может быть, оттого, что мы с тобой понимаем истинную цену света, с нами и происходят эти вещи?

— Или потому, что в этом понимании — наша уязвимость: спешим жить и чувствовать… пока нам дано видеть.

Мэт засмеялся:

— Шантаж от кукловода — действуй, пока разрешаю?

— Вроде того.

— И ты не захотел. Почему?

— А вот как увидел на палубе Алёшу Ремизова в качестве хозяина, сразу и не захотел. Не знаю, как у тебя, а у меня с Ремизом общая история хреновая. Мы с ним в аварию попали, я за рулём был. Ему здорово досталось.

Благой скривился:

— У меня — хреновее хреновой… Я его покалечил «шайтаном» — ножом боевым. Не нарочно, конечно, только от этого не легче… не ему, ни мне.

Замолчали надолго, и уж было подумали — каждый друг о друге — «заснул» … и произнесли почти одновременно:

— Как там Катя.

Только один — спрашивал, а другой размышлял. И, поняв, что тема эта к развитию совсем не подходящая, замолчали снова. И молчали, пока Морфей окончательно не поработил их разум и тело своей иллюзорной интерпретацией бытия.

Спектакль у повелителя сновидений вышел — не ахти! – на «двоечку с плюсом». Благому снились разноцветные кубики, которые падали сверху, громоздились в огромную пирамиду и рассыпались мириадами мыльных пузырей. Потом кубики преобразовались в портретные рамки, в начале тёмные, а после заполняемые образами знакомых и незнакомых личностей. Рамок становилось больше и больше – они «толпились», выстраиваясь вокруг него плотным кольцом… и, когда пространства вокруг совсем не осталось, материализовались в очертания человеческих фигур – безмолвных, безликих.

Мэт резко открыл глаза. Фигуры никуда не исчезли, только поредели рядами, приобрели объёмность и выраженные признаки человечьих черт. Одеты были в чёрные костюмные пары, чёрные рубахи и белые галстуки.

— Бюро ритуальных услуг на выезде.

Буркнул Благой, и получил мыском ботинка под рёбра. Охнул и повернул голову в сторону «брата». Теуш безмятежно потягивался, будто и не находился в центре круга, очерченного крепкими мужчинами. Тоже получил пинок под рёбра, после чего, вздохнув, поднялся на ноги.

— Из чьих псов будете? – спросил окружавших.

Ему не ответили, но как по команде повернули головы навстречу подъехавшему к пирсу автомобилю.

Благой, заинтересовавшись, тоже встал и вполголоса ворчливо обратился к «близнецу»:

— Ну ладно — я, человек здесь новый… еще в ситуацию «не въехал». Но ты-то? Откуда беспечность?

— Сказал же, плыву по течению – ничего не делаю…

— Дело твоё – не спорю. Но как же долг гостеприимства? Обеспечить гостю безопасность – прямая обязанность, даже для пацифиста. А я у тебя в доме – считай, в гостях.

— Никто в гости к самому себе не ходит.

Мэт сплюнул:

— Тьфу, и не поспоришь…

Из автомобиля вышел высокий седоволосый мужчина и, опираясь на трость, неспешно приблизился.

— Знаешь его?

— Судя по внешности, господин Реми-старший, — Теуш нахмурился, — от Судьбы, как видно, не уйдёшь.

«Согласись ты с этим раньше, мне не пришлось бы идти к себе самому в гости», - подумал Благой, но вслух ничего не сказал, понимая, несправедливость и бездоказательность своих мыслей.

— Видел его пару раз, — продолжил между тем негромко говорить Теуш, — а лично общался лишь однажды. Пришёл после аварии к Алексею, а папаша меня дальше подъездных ворот не пустил. Сказал – «никто не хочет вас здесь видеть». — Засмеялся. — Похоже, что здесь — он передумал.

— Вы напали на моего сына, — сказал Ремизов-старший. — Я такого не прощаю. — Кивнул одному из своих людей, — Разберитесь, и бросьте в воду.

— Не пойдёт, — объявил Теуш. — За несанкционированное купание штраф… чересчур большой! — и пустился в разглагольствования. — Интересно, по какому принципу он начисляется. От чего зависит, от совершённого действия или от количества его участников?

— Имеет значение? — поддержал разговор Благой.

— Огромное. Если плавать будут двое – расклад один, а если… — обежал взором группу оппонентов, — десяток – совсем другие деньги.

Господин Реми остановил своё возвращение к машине, прислушиваясь, повернулся в их сторону и надменно спросил:

— Ты о чьих деньгах сейчас беспокоишься?

— Исключительно о ваших, Пётр Алексеевич. Люди – ваши, значит, и деньги – ваши.

— Другой вариант…

Теуш перебил:

— Не рассматриваем! В вопросах финансовой ответственности я очень щепетилен. У меня денег для оплаты штрафа нет, на владетеля катера штраф повесить не имею права. Вывод:

плавать в акватории будут исключительно ваши люди, что и будет зафиксировано камерами внешнего наблюдения порта.

Мэт потёр плечо, разминая, и весело добавил:

— Бесплатный совет, как сэкономить: массовое купание можно причислить к народному гулянью. Для них всегда – скидки, во все времена, во всех странах — любят у нас радеть за народ в целом.

— Весельчаки, значит… — Пётр Реми поджал и без того тонкие губы, превращая рот в изломанную щель. — Заберите их, пусть Лёкси сам… развлечётся.

Благой встряхнул кистями рук и сказал «брату»:

— Время пришло, решай. Ты как? – по-прежнему, саботажник? Или со мной?

— С тобой? Каким путём?

— Мэт Благой всегда играет до конца.

— Назови причину — хоть одну, чтобы пробудить во мне интерес к этой игре.

Благой следил за окружением – противники приближались… И он решился!

— У тебя есть дочь. Эльжбета родила тебе дочь. Она написала об этом, когда ты свалился в Сноквалми.

— Моя дочь?! — Теуш вздрогнул. — Значит, и у Лизы… будет… моя дочь. — Прикрыл глаза на мгновение и, открыв их, преобразился. — Веская причина. Когда терять больше нечего, а вернуть ничего нельзя, только и остаётся — идти до конца. Давай, брат, перевернём этот мир к чёртовой матери! Что там хотели-то? Ремиза всё время подсовывали. — Крикнул. — Пётр Алексеевич, не торопитесь, и мы с вами!

Направился в сторону надменного господина Реми, а надвигавшимся охранникам, сказал свирепо:

— Отошли все! Кто приблизится, с первого удара — убью. Мэт, подтверди.

Благой развёл руками, бодро шагая следом:

— Что поделать? — слово с делом у него никогда не идут разными путями. Как и у меня!

Реми встретил их решительный демарш сухими словами:

— Впечатляет. — И кивнул на свою машину, приглашая внутрь.

А своим бодигардам, подтянувшимся ближе, сказал ещё суше:

— Что хотел увидеть, то и увидел. Осталось сделать выводы... Следом езжайте.

Теуш сидел за рулём, самым непочтительным образом вытащив обладателя статуса шофёра с его законного места. Мэт, устроившись на заднем сидении, осторожно поинтересовался:

— Знакомая модель?

Теуш вертел головой, приглядываясь к наличию педалей и рычагов.

— Не боись, — ответил зло и весело, — у меня — «чёрная метка». Я на любом транспорте смогу ездить… даже на помеле.

И действительно, машина уркнула и завелась – загудела несколько нервно, будто и правда нервничала.

— Детка, поздно идти на попятную – я уже внутри, — процедил Теуш сквозь зубы, потыкав пальцами по электронной панели управления.

— Вот скажи, как ты определил, что машина с женским характером? — не унимался Благой.

Он сожалел, что сказал «брату» о ребёнке – будто увидел, как раскрылась у того в груди рана и закровоточила, и от осознания этого сам почувствовал щемящую боль в сердце. «Зачем? Оставил бы в счастливом неведении – глядишь, парень отдохнул в блаженном бездействии и набрался сил, чтобы жить дальше. А ты, Матюха Благой, и один бы справился со своей неведомой миссией». Из-за этих мыслей и был излишне многословен.

Пётр Реми к смене водителя отнёсся спокойно, только поинтересовался:

— Куда ехать знаешь?

— Да кто в этом городе не знает, где живёт Пётр Ремизов, или господин Реми, как величает его местное сообщество? Кстати, а почему — Реми?

— Вы с братом много болтаете, — скупо откликнулся Ремизов.

Теуш рассмеялся:

— За двоих – каждый. Привыкайте, Пётр Алексеевич.

По ходу движения автомобиля Благой созерцал мелькавший за окошком урбанистический ландшафт. И ничего особенного не увидел — городской пейзаж соответствовал его представлениям о приморском курортном городе. Много зелёных деревьев и цветущих растений, невысокие здания — пяти-, девяти- этажные, хотя в далеке проглядывали и высотные строения, собранные в одном месте. Городской бизнес-центр? Мэт хмыкнул:

— Ялта? Феодосия?

— Жемчужный, — откликнулся Теуш.

— На посёлок непохоже, да и на Хакасию тоже, но звучит привлекательно.

— Да и море — не озеро. (Примеч. Посёлок Жемчужный в Хакасии на берегу озера Шира, воды которого известны своими целебными свойствами).

От того, что их знания из прошлого неожиданно совпали, они почувствовали некое единение, будто сделали первый шаг к принятию друг друга, будто и в самом деле были братьями-близнецами.

Вилла, к которой подъехали, была выполнена с расточительным размахом — «росла» не вверх, а вширь — здание было одноэтажным и расходилось от центра, образуя контуром пятиугольник.

Благой снова хмыкнул:

— Пентагон… едрёна феня!

— Скоро это вредную привычку попусту молотить языком вы бросите, — прервал их разговоры господин Реми сухим тоном. — Да что там! — он засмеялся, будто горох по полу рассыпал – гулкими короткими смешками, — Вы вообще про разговоры забудете.

— По-моему, он пытается нас запугать, — предположил Мэт, изобразив удивление.

— Ведь вам известно, что мы не нападали на вашего сына, — предположил Теуш.

— Конечно. В первую очередь мне принесли записи с камер наблюдения – я посмотрел. Но вам от этого не легче. У меня есть одно правило, которое я никогда не нарушаю. Я никогда не ставлю под сомнения слова Алексея.

— Даже воочию убедившись в их неправоте?

— Мой сын всегда прав. Если он желает видеть вас виноватыми, вы ими будете.

— Вроде, парень — не пацан, чтобы так его баловать… — буркнул Благой. — Впрочем, вы правы… возможно, мы заранее виновны. Посмотрим, как дальше покатит.

Глава 4

Сценарий своей фабулой не удивил. Удивил составом труппы. В подвал, куда они спустились по указанию Петра Ремизова, зашли десятка два фактурных ребятишек и расположились у стен, поглядывая совсем не доброжелательно.

— Что думаешь? — спросил Мэт напарника.

— Если сам Алексей решит руку приложить, склонен позволить всему случиться. Драться с ним не буду. А ты?

Благой вспомнил момент, когда осознал, что убивает друга Алёшку Ремиза одним лишь движением своей кисти… и содрогнулся.

— Избави, Боже! Я его и пальцем не трону.

— Ты уже один раз ему сегодня приложил. Кстати, именно по этой причине мы с тобой здесь и находимся.

— Прав – не сдержался. Как увидел «шайтан» в руке у него…

— Будь ты сдержаннее, я прошел бы мимо и не ввязался в ваш приватный инцидент.

Благой поморщился: похоже процесс знакомства от стадии познавательного доброжелательства сместился в сторону критического восприятия. Что, собственно говоря, не удивляло! — открывать в своей натуре черты, которых и не предполагал в себе увидеть – удовольствие ниже среднего.

— Уверен?

Теуш замялся, но ответил честно:

— Не особо…

Тут количество статистов на «сцене» возросло — помимо господина Реми с сыночком зашли две дамы… В прямом смысле дамы! В вечерних туалетах, с побрякушками во всех положенных этикетом местах… этим и удивили!

— Опа! — сказал нестеснительно Теуш. — Не избежать нам роли базарного Петрушки, «брат».

— Чего? Бить себя при женщинах не позволишь? — насмешливо поинтересовался Благой. — А если и дамы ручку приложат?

— А-а! — злорадно взвизгнула одна из красоток, — Вот этому я точно врежу! Пётр Алексеевич, ты позволишь?

— И когда ты успеваешь? — удивился Теуш. — Только прибыл, уже поклонниц завёл. Что за тёлка?

— Постой-постой, — Мэт вгляделся. — Задавить меня пыталась… наверное, я ей уже тогда приглянулся.

— Из-за него ты разбила машину? — вступила в разговор дама постарше.

— Прямо перед носом выскочил – весь капот мне разнёс! — неистовствовала девчонка.

— Это каким же местом ты ей капот разнес, парень? — тихонько засмеялся Теуш.

— Не льсти, а то возгоржусь, — огрызнулся Благой.

— Империал тому, кто первый их вырубит, — внёс и свою перспективу господин Реми-старший.

— Империал, это сколько? Много или мало? — не унимался Мэт в своём познавательном интересе.

— Это, как посмотреть, — «брата» потянуло на философию, — Для них, — он кивнул на потенциальных противников, — это хорошие деньги, для Петра Алексеевича – баловство, а для нас с тобой — хлам. Впрочем, если повесить на шею, как амулет – будет красиво.

— У тебя на шее уже и ножны болтаются и монета чёрная — прямо папуас, в натуре, — пробурчал Благой вполголоса.

— Вся твоя грубость от невежества, — возразил Теуш. — Это не ножны, а футляр для глазных капель. А монета – вовсе не монета, а, почитай «Владимир на банте».

Их негромкие переговоры были прерваны начавшейся передислокацией оппонентов. Они растеклись веером, образуя полукруг. А в центр выдвинулся Лёкси Реми.

— Я сам их урою, папа.

— Вот ты — не лезь! — вскричали оба воплощения Матвея Артёмовича Благолепова одновременно.

Лёкси засмеялся:

— Выходит, правду говорят, что близнецы – как попугаи! — хором щебечут.

— Он – дурак, — констатировал Мэт. — Что делать?

— Показать, что не зря Назарушка Полуяров на нас свои таланты тратил. Стратегия наша не определена, а вот с тактикой нужно разобраться сиюминутно.

— Не вопрос! Ты – левая рука, твой фланг – левый!

Открывать дебаты по поводу своего статуса было неуместно, и Теуш согласно кивнул:

— Поехали…

И они «поехали»… кружили вокруг нападавших быстрыми тенями, нанося короткие точные удары. Ремизова-младшего обходили стороной, всячески избегая его попыток войти в близкий контакт. От этого парень злился, таращил в ярости глаза и становился всё неудержимее в своём стремлении «урыть самому». В какой-то момент он приблизился к Благому совсем плотно и его кулак, сведённый в мощную кувалду яростью, готов был к сокрушающему удару. Мэт качнулся назад, едва не сложившись пополам, и практически из горизонтального положения, толкнувшись уже терявшими опорную силу ступнями, кувыркнулся, группируя тело в напряженный клубок. Ремиз, не ожидавший такого фортеля, пролетел вперёд, запнулся о его сгруппированное тело и распластался на полу… и замер. Благой нагнулся над противником и с досадой всплеснул руками.

Теуш, отшвырнув очередного нападавшего, метнулся к ним.

— Что?! Отойди, отойди, — и стремительно пригнувшись, хлопнул Алексея по щеке.

— Правильно, добавь ему ещё! — возмутился Мэт, — а то маловато будет.

И принялся молотить всех подтянувшихся противников безо всякого «полуяровского» изящества – потому как разозлился по-настоящему. Его вновь хотят сделать ответственным за судьбу Ремизова!

Ресницы Лёкси затрепетали, он открыл глаза.

— Ты не усердствуй слишком, — посоветовал Теуш ему доверительно, — всё прекрасное случается неожиданно… — Он выпрямился и, оглядевшись, заключил, — А ожидаемое прекрасно своим завершением… — И обратился уже к Благому, — Ты всех успокоил…

— Да… надоели!

— Закончим на этом, — громко оповестил Реми-старший. — Вы — двое! — Он махнул блезницам. — Ко мне в кабинет. — Повернулся к старшей даме, — Славушка, проследи, чтобы здесь прибрали. Лёкси, ты подождёшь меня на улице.

В кабинете сказал:

— Вы мне подходите.

— Вот даже и не спрошу – для чего, — буркнул Мэт, направляясь к двери.

— Брат прав. То время, когда с нами можно было разговаривать подобным образом закончилось лет двадцать с лишним назад, — поддержал Теуш. — Так что, можете считать, что вообще ничего не говорили – а мы, будучи гостями в вашем доме, сделаем вид, что ничего не слышали.

Пётр Алексеевич засмеялся:

— Вы — гости?!

— Пришли к вам по доброй воле, никого не убили, не покалечили… хотя были в праве. Конечно, мы — гости.

Благой вернулся от двери.

— Это ты мне сейчас об этикете напомнил, верно?

— Верно. Мы — Благолеповы, дверьми не хлопаем – уходим несуетно.

— Мы — Благолеповы, сами решаем, когда и как нам уходить.

— Выход один, «брат», найти меж нами золотую середину. Иначе, никак!

Был прав в этом утверждении — им следует друг к другу привыкнуть, и принять друг друга. Сразу не получится, но стремиться нужно…

— Вот именно такого равновесия между желаниями и долгом у Лёкси совершенно нет. — Господин Реми свернул их почти ссору в нужное для себя русло. — Нажил себе недругов. Нуждается в хорошей защите. Вы — то, что ему нужно.

Мэт и Теуш переглянулись.

— Читай, парень будет творить пакости, а мы – расхлёбывать… — пробормотал Теуш.

— Разве не для этого мы здесь оказались?

— Искупить вину?

— Да.

Теуш задумался на мгновение и повернулся к Петру Алексеевичу:

— Ладно, но при условии, что вы не будете нам указывать, что и как делать.

— То есть вручу вам сына для дрессировки? Без права вмешательства. — Нахмурился Реми-старший.

— Вы сами выказали нам доверие, — индифферентно откликнулся Теуш. — Кстати, а почему?

— Не каждый прохожий решится вступиться за постороннего человека, тем более, если силы не равны.

— Твоя неуёмность — всему начало. — Бросил быструю реплику Теуш Благому.

— Для устойчивого равновесия нашего тандема, должно быть: ты – созерцаешь, я – творю.

Реми-старший вновь прервал их начинавшуюся дискуссию.

— Допустим, я – согласен.

— Будет ли наше соглашение подтверждено экономическими отношениями? — Теуш был деловит.

— В оплате не обижу.

— Ты — меркантилен, — тихо шепнул Благой «брату».

— Я – практичен, — он ничуть не смутился. — Ещё никто не научился жить в этом мире без денег. Хоть в «бочку залезь» и тогда будешь зависим от подаяний сердобольных граждан.

— Тогда уж озаботься и юридической стороной дела — бытующие правовые правила должны, как минимум, позволять соглашение, которые мы намерены принять.

— В этом с тобой согласен, — Теуш подошел к Ремизову ближе. — Обсудим условия?

Они погрузились в правовые аспекты, а Благой задумался. Ощущал себя странно! Снова отметил, что возможность наблюдать себя со стороны, предоставленная ему волей Провидения в полном объёме, есть занятие не из приятных. Сейчас практически каждое слово, каждый поступок Теуша Лепова (ведь именно так они распределили свои права на владение, данным при рождении, именем — Теуш Лепов и Мэт Благой) вызывали в нём желание противоречить. Он старался сдерживать себя и не всегда удачно.

Переговорщики тем временем неспешно двинулись к выходу, Благой потянулся следом, всё ещё находясь в плену своих рассуждений. Освободился от них весьма кстати: впереди идущие уже подходили к выходу из особняка.

— Стоять! — приказал жёстко Мэт.

В ответ на удивлённые взгляды предположил:

— В этом доме, наверняка, есть и другой выход.

— Зачем? — Пётр Алексеевич недоумевал.

— Что, по-вашему мнению, делает сейчас ваш сын?

— Ждёт меня, как я и велел.

— А что делает он, по-твоему мнению? — заинтересовался темой и Теуш.

— Смотрит на дверь через прицел автомата. Алёшка Ремиз не прощает обид, и готов с нами поквитаться – зуб даю!

И они вышли во двор через оранжерею, и увидели Лёкси с пистолетом в руке, нацеленного взглядом на входные двери коттеджа.

Пётр Алексеевич хлопнул Мэта по плечу:

— В своём выборе я не ошибся.

Весть о том, что парни, с которыми он вознамерился враждовать, будут его охранять, показалась Реми-младшему забавной. Он засунул пистолет за пояс брюк и объявил папочке:

— Так даже интереснее: «двое из ларца, одинаковы с лица» - на побегушках. Класс!

Благой подошёл и, быстрым движением выдернув пистолет из-за пояса парня, спросил, пряча оружие себе в карман:

— Сколько тебе лет, не забыл? Застрял на сказках…

Лёкси протянул руку, требуя ствол обратно.

— Верни!

— Забери, — в том же тоне ответил Благой.

— Ну, зачем тебе пистолет? — вступил в разговор и Теуш. — С этой минуты мы — твоё оружие.

Реми-старший обхватил сына за плечи, увлекая в сторону дома.

— Идём, распорядишься, куда их поселить.

— Твоё благоразумие зашкаливает, — упрекнул Мэт «брата».

— А твоя бескомпромиссность раздражает, — холодно откликнулся Теуш.

И Благой подумал: «Наверное, он тоже не в восторге от меня».

Глава 5

Комнатка, в которую решил их определить Лёкси, была невелика: вмещала два узких топчана и шкаф-купе. Они, по очереди обозрев предлагаемый бытовой комфорт, повернулись к Ремизовым и сказали — снова хором!

— Ни за что! Он – храпит.

Чем вызвали снова приступ веселья у Реми-младшего.

Не удержался и Благой – тоже рассмеялся и тихо сказал «брату»:

— С этим нужно что-то делать. Давай, будем высказываться в строгой очередности — фразу ты, фразу я.

И вопреки своему же предложенному регламенту захватил первенство в переговорах с Ремизовыми.

— Если вы испытываете нехватку в жилых помещениях, я готов ночевать в саду. Он у вас просторный.

Подошла Славушка.

— В самом деле, Пётр, домик садовника пуст. Пусть устраиваются там.

Мэт открыл рот, готовый ответить, но наткнулся на предостерегающий взгляд «брата» и на его указательный палец, поднятый в запрещающем жесте… и промолчал. Чего уж, очередь, так очередь!

— При условии, что и Алексей будет в нём жить,— выразил Теуш и своё мнение. —Как иначе мы сможем обеспечить его безопасность?

— Нет, папа! — вскричал Лёкси. — Не ограничивай моего пространства!

— Он страдает клаустрофобией? — памятуя об очерёдности, поинтересовался Мэт.

— Скорее, любит простор, — ответил Реми-старший.

— Любить можно и на расстоянии, — беспечно резюмировал Благой. — От этого любовь только крепнет и обретает свою неоспоримую ценность.

Пётр Алексеевич, коротко взглянув на кислую физиономию сына, принял решение.

— Хорошо! Считаю условие, выдвинутое… кстати, как мне стоит вас именовать?

Благой кивнул Лепову – отвечай!

— Я – Теуш, он — Мэт. Никаких иных приставок и титулов не нужно.

— … условие, выдвинутое Теушем, разумно. Славушка, распорядись подготовить дом и перенести некоторые вещи Лёкси в одну из комнат.

Алексей выпрямился, окинул недобро прищуренными глазами своих новых бодигардов, и произнёс чётко:

— Засранцы.

Реми-старший быстро приблизился к сыну и сказал сквозь зубы тихо – почти беззвучно:

— Не забывай, Шульц настаивает на стационарном лечении, и я всё больше и больше склонен поддержать его предложение.

Алёшка Ремиз напрягся, как струна, побелел лицом.

— Сделай это, папа!

Женщина, по имени Славушка, ухватила Петра за рукав и потянула за собой.

— Идём-идём, он тебя услышал и понял.

«Братья» переглянулись — «нечисто что-то в датском королевстве»… Теперь количество статистов в представлении, диктованном свыше, стало камерным, и тон противостояний сам собой смягчился.

— Идём, — мирно предложил Мэт. — Проводи до будущего пристанища неуспокоенных душ.

Ремиз дернул щекой и с места не стронулся.

— Поверь, ничего личного, не смотря на твою агрессию к нам, — пояснил Теуш, — просто, желание честно выполнить свою работу.

— Брат прав – пока не разберёмся с чем имеем дело, будешь рядом. Если проявишь понимание — разберёмся раньше, и все ограничения исчезнут.

День прошёл быстро, по большей части благодаря изобретательности Лёкси. По коттеджу сновали работники – всё двигалось, громыхало, держало в напряжении. Парень забавлялся – решил всё переиначить в комнате, куда поселился по велению отца.

— Раз уж вы настояли, что мне тут жить – хочу жить в комфорте.

Благой, заслышав это, засмеялся:

— Вот в этом моменте такой, каков и был всегда: всегда норовишь быть поближе к солнцу. Я даже растрогался. Да ты не стесняйся — царствуй!

Алёшка взглянул удивлённо — папенька приставил к нему психов? — заявил:

— На следующий сеанс к Шульцу пойдём вместе. Вдруг, и тебе поможет?

— Кто такой Шульц? — рассеянно поинтересовался Теуш.

Он сидел на диване, увлеченно воткнувшись в своё мобильное устройство.

— Мозгоправ хренов… подговаривает папашку засадить меня в «жёлтый» дом.

Мэт хмыкнул:

— Чего ты ожидал? Ты – не пацан, тебе… — он замялся, прикидывая, — … почти тридцатник. А ты все не можешь перейти от Принципа удовольствия к Принципу реальности. «Плоды твои созрели, но ты не созрел для плодов своих» — Ницше.

— Как видишь, психология нам не чужда, — иронично усмехнулся Теуш, всё так же не отлипая от телефона.

Алексей нахально хмыкнул:

— А зачем мне себя ограничивать в удовольствиях? Это вам горбатиться за гроши нужно, а мне не к чему. — Он «сделал ручкой» и взбежал на второй этаж, в свои обновлённые апартаменты.

Благой почесал затылок, подошел к «брату», спросил тихо:

— Что происходит? Покатит так дальше — поубиваем друг друга. Да брось, этот чертов телефон! Ответь мне. Ты стал меня раздражать, и с твоей стороны я наблюдаю то же самое. Есть этому объяснение?

Теуш отложил телефон в сторону.

— Возможно, моё образование, по сравнению с твоим, в приоритете, но я не силён в разборке тонких материй подсознательного. — Лицо Лепова осветилось внезапно промелькнувшим в голове воспоминанием, он засмеялся, — Как и не силён в турецком!

— А! — догадался Мэт. — Постоянное сравнение с турецким идолом привлекательности тебя тоже достало. Видишь, у нас есть точки соприкосновения, мы не настолько разны, как кажемся друг другу. Порой мы даже говорим хором одинаковые вещи.

— Видишь, ты сам обозначил причину нашего внезапно похолодевшего отношения друг к другу. Понимание, что ты мог быть совершенно другим человеком, включает защитный барьер, утверждая право на уникальность личности… по крайней мере, мне так это представляется.

— Но мы взрослые люди. У нас есть воля и решительность. Неужели не справимся с барьерами? Или есть что-то ещё?

— Я думаю об этом сегодня целый день. Я перестал саботировать, включился в процесс… Возможно, один из нас стал лишним на этом запланированном празднике жизни.

— Забавно. Я до такого не додумался. Выходит, нужно держать ухо востро — будут сюрпризы.

Сюрприз первый преподнёс Лёкси. Вечером, когда в саду уже благостно верещали цикады, резво проскакал по лестнице, и мимо Благолепова, расположившегося в прихожей,

выскочил на улицу. Вернулся практически сразу, да не один! Под локоток поддерживал девушку — ту самую, что пыталась задавить Мэта.

— Вы у нас – кто? — не слишком дружелюбно и уж точно невежливо поинтересовался Теуш, преграждая парочке дорогу.

Ремиз засмеялся, обращаясь к подруге:

— Он тебя не знает, я же говорил, — и отмахнулся от настойчивости охранника. — Марго – это, невеста моя. Соскучилась, пришла скрасить часы моего одиночества. Надеюсь, это мне не запрещено?

Теуш отступил в сторону, освобождая дорогу. Благой, заметив начавшуюся движуху, покинул свой пост, расположенный в саду, и быстро переместился в прихожую. Задумчиво проводил взглядом обнявшуюся парочку, скрывшуюся за дверями спальной комнаты. Спросил «брата»:

— Ты её пропустил?

— Ладно, чего ты? парень не в тюрьме. Пусть видит, что нам не чужда мужская солидарность.

Мэт скривил губы и кивнул – мина получилась весьма скептическая.

— Ты не согласен?

— Скажи, когда последний раз ты был с женщиной?

— Давно.

— Вот и я полгода провалялся на больничной койке.

— К чему это ты клонишь?

— К тому, что воздержание закаляет характер.

Он мягко, почти бесшумно принялся подниматься вверх по лестнице. Под дверью Ремизова на секунду замер, прислушиваясь… и решительно распахнул створки. Девушка сидела в кресле, увлеченно тыкая пальцами в экран телефона и время от времени повизгивала, и стонала.

— Фальшиво получается, — бросил на ходу Мэт, приближаясь к распахнутому окошку.

Глянул вниз — не так уж и высоко. Буркнул:

— Раз внизу не валяется, значит – ноги целы. — Вернулся к девушке и выдернул телефон из её рук, и только после этого завладел неоспоримым вниманием к своей персоне. — И где он?

— Мне что за дело?! Сказал – помоги. Я помогла.

Благой вернулся к «брату».

— Поехали. Далеко он не успел ускакать.

— А девица чем занята?

— Корчит из себя Эммануэль.

— Метафоры твоей не понял, — честно признался Теуш, — но смысл уловил. Они уже шли быстрым шагом в сторону гаражей. Реми-старший выделил им машину для личного пользования, как оказалось, весьма предусмотрительно. Понадобилась в первый же вечер!

— Насчёт Лёкси ты снова оказался прав. Почему, интересно?

— Наверное, я лучше понимаю Алёшку. Там мы были с ним неразлейвода. Конечно, здесь всё по-другому, но общие черты у них должны были сохраниться — как у нас с тобой.

— Думаешь, у нас есть общие черты?

Они уже сели в машину. Мэт отрицательно мотнул головой.

— Сейчас о другом думаю. Дорога из усадьбы одна – прямая, без ответвлений… если только козьи тропы какие-нибудь…

— Нет. Видел? в гараже было пустое место. Он на машине, козьими тропами не пойдёт. И мы его догоним!

И они его нагнали. И Лёкси Реми их заметил, и добавил в скорости… Как два фантома, две машины — красная и чёрная — неслись в ночи и рвали воздух на части своим безумным движением. Одно радовало — на трассе не было свидетелей этой бешеной гонки.

— Через пару километров выйдем к основной магистрали… — сказал Теуш.

И Мэт понял его озабоченность, достал из кармана пистолет, отнятый у Алёшки.

— Сидение опустить можешь?

Теуш бросил косой взгляд на приборную панель и, почти не глядя — всё внимание сосредоточил на преследовании — ткнул нужную кнопку. Сидение под Благим мягко поехало, предлагая расслабиться и, как следствие, поспать. Оно даже завибрировало, имитируя движения колыбели.

— А песенку спеть? — пробормотал Мэт и полез на заднее сидение автомобиля.

Оттуда, сказал «брату»:

— Выровни с передней дверцей, стрельну — замок выбью.

— Из незнакомого оружия? — не поверил Теуш.

— Ознакомился уже.

— Вдруг, парня зацепишь? Или того хуже рикошет.

— Слушай! — прошипел Благой, — я ведь не указываю тебе, как вести машину.

— Ладно! И пусть у нас всё получится…

— Получится. После – рвешь вперёд и перекрываешь ему дорогу.

Глава 6

И получилось! — выстрелил он с точностью аптекаря, вымеряющего капли. Распахнул дверцу и практически повис на ней. Теуш не подкачал, машину вёл ровно, в одном ключе с оппонентом, и держал его плотно – практически притиснул к дорожному барьерному ограждению, лишая возможности совершить манёвр.

Собственно, выход у Ремизова был – резко затормозить. Рискованно, но осуществимо. Только «братья» ему шанса не дали: после выстрела действовали слаженно и быстро – будто на мгновение объединились в один организм.

Мэт дернул дверцу Лёшкиной машины и, совершив акробатический этюд, сменил место своей дислокации. И хотел было уже, оторопевшему от такого фортеля Алексею, сказать: «тормози»… как в салоне автомобиля, что-то размеренно запищало. Благой быстро перехватил руль и толкнул водителя всем телом, уверившись разом, что времени на торможение нет.

— Прыгай!

Лёкси таращился и суматошно дёргал ремень безопасности, и было не ясно, то ли он не понимает сути начавшегося ритмического отсчёта, то ли боится покидать салон при такой скорости.

Благой дёрнул руль, позволяя машине чуть уйти вправо, и произнёс свирепо, чётко разделяя слова:

— Прыгай… едрёна феня!

Ремиз вывалился наружу, толкнувшись ногами хоть и неуклюже, но действенно — спиной вниз и сгруппироваться успел. Выходило, с техникой экстренного десантирования из движущегося автомобиля был знаком. Как уж у него там получилось с приземлением, Мэту смотреть было недосуг – понял только, что под колёса парень не попал. А дальше действовал молниеносно и совершенно осознанно. Впереди — Теуш преграждает путь, перекрыл грамотно – не объехать. Позади — валяется Лёкси… Это были даже не мысли, а осознание момента – будто за одну секунду взглянул на картину сверху.

В салоне равномерно тикало и в момент, когда Мэт врезался в бордюр, уводя машину влево, раздался взрыв.

— Дежавю… — подумал Благой, когда жар опалил его спину.

И его, успевшего за секунды до столкновения выброситься в открытую дверь автомобиля, приподняло, крутнуло и шмякнуло обратно на сидения машины. Вернее, на то, что от них осталось.

Скорость, удар, взрывная волна неведомой бомбы и инерция прыжка сплелись в один чудовищный импульс…

Искорёженная машина, у которой снесло крышу – будто консервным ножом срезало — свесилась в кювет. Удерживало её от дальнейшего движения вниз погнутая балка барьерного ограждения, вцепившаяся на подобие рыболовного крючка в лонжерон автомобиля. Было ощутимо, что опора эта ненадежна, и не хватает лишь импульса, чтобы образовавшаяся конструкция потеряла равновесие.

Мэт скосил глаза в бок… а падать-то и есть куда! Пока решал проблемы первостатейные, ровный частокол кустарников на придорожной полосе, сменился водяной гладью, темнеющей внизу, в глубине неспокойного русла. Машина выскочила на мост.

— Метров двадцать, а то и больше, — подумал Благой, опасаясь и пальцем пошевелить.

Это нестабильность равновесия на грани между жизнью и смертью была уже некогда пережитым ощущением — он вспомнил! После взрыва в Андрианово он видел сцену с висящим над пропастью автобусом… или это был бред? Агония меркнущего сознания. Он не мог определить…

Голос, зазвучавший сверху, с полотна дороги был громок и сердит:

— Решил хай-дайвингом заняться? — спрашивал Теуш, появляясь в зоне видимости.

Благой едва не засмеялся: вся ирония заключалась в том, что сумей он встать во весь рост, дотянуться до ограждения ничего не стоило. Он даже представил, как это могло произойти – чуть толкнуться, руками за балку, подтянуть ноги… — простейшее упражнение из арсенала Назара Полуярова. Прекрасно бы получилось. Он прислушался к себе – аномальных зон в теле не ощущал. Похоже, органы не пострадали… наверное, для того, чтобы сожалений было больше! Обидно помереть нелепым образом. И тут же отыскал повод для позитива — узнал значение выражения «на волоске от смерти». Он сейчас на этом самом волоске и висит, в прямом смысле слова. Лишь вопрос времени, когда волосок перетрётся… и вряд ли время будет измеряться часами.

Мэт посмотрел в небо и увидел звёзды — что ж, не самое плохое зрелище напоследок…

— Не лежи там, — сказал «брат», опустившись на колени и свешиваясь вниз, — давай выбираться. Я помогу.

— Хлипкая конструкция – и тебя утяну, — ответил негромко, но был услышан.

— Мы с тобой — адепты Полуярова, всё получится.

«Брат» протягивал Мэту руку.

— Как быть с пророчествами фантастов?

В самом деле! Они все время держались друг от друга на расстоянии, и никогда не позволяли своим телам соприкоснуться, даже невзначай.

— Бред сивой кобылы — уверен! Ты – правая половина, я — левая. Что ж нам, и за ручку подержаться нельзя? — Бесшабашная улыбка поселилась на лице Теуша. — А если и нельзя — плевать! — разнесём всё к едрёной фене.

Именно это слово-паразит, такое неизживное в речи Благого — живучее! при всех взлётах и падениях, творимых судьбой, теперь употребляемое и «братом», заставило Мэта улыбнуться и ответить залихватски:

— А давай!

Раздался неровный топот и сбоку от Теуша «нарисовался» Ремиз. Кособочился, неловко держал правой рукой левую и пытался весело скалиться.

— А у вас тут забавненько… Можно я посмеюсь?

— Вместе посмеёмся, после, — сказал жёстко Теуш. — Держи меня, Лёкси, не то я избавлюсь от чувства вины, посредством устранения её источника.

Алёшка бормотнул:

— Говорю же, они – психи. Что ни слово – то ребус.

Но вопреки своему показному комедиантству, обхватил торс Теуша здоровой рукой крепко, а задницей плотно придавил его ноги к асфальту.

— Толкаешься всем телом, хватаешь мою руку и ногами — за эту металлическую хреновину. — Чётко распоряжался Теуш. — Давай, Матюха, на счёт «три».

Счёт «три» слился со скрежетом, утробным гулом запевших под напором воздуха металлических частей автомобиля, а отголосок вскрика, повторяемый эхом, был заглушен всплеском воды, принявшей итог аварии, как данность.

— Назарке — респект! — сказал Теуш хрипло. — Сделал из тебя человека.

Мэт хотел возразить, что Полуяровские установки легли на благодатную почву, оттого и расцвели так пышно, но вместо этого попросил:

— Руку мою отпусти уже.

Теуш взглянул на ладони — свою и «брата» — сцепленные накрепко:

— И, заметь, никто не умер при этом.

Ослабил хватку, отпуская… и инсталляция, созданная экстренно, наспех, распалась. Алёшка охнул и завалился на бок, зашипел от боли, и вновь уцепился за левую руку.

— Что там у тебя? — Теуш склонился над парнем. — Да убери руку! Дай взглянуть. Просто вывих, больно, но не смертельно. Сейчас отвезём тебя в больницу.

Ремизов вскочил на ноги.

— Какую больницу, какую больницу! Мне на кордон надо, меня там заждались уже. Если и с Колумом поссорюсь – кранты мне.

Он вытащил из кармана телефон, неловко и болезненно при этом кривясь, и заорал в трубку:

— Колум! Я еду, еду. Знаю, что все собрались! Не начинай без меня!

— Кордон, Колум, истерика и кранты… — Теуш устало присел рядом с Благим. — как думаешь, что значит?

Мэт лежал навзничь, упираясь глазами в звёзды, несколько минут назад он думал, что это были его последние звёзды в жизни…

— Постой, дай вздохнуть… минутку. Всё решим через минутку.

Теуш кивнул, соглашаясь, будто пространный взгляд «брата», устремлённый в Вечность, которой сегодня ему удалось избежать, мог видеть его жест. Произнёс:

— А ты – везунчик, проскачи ты еще метров пятьдесят вперёд…

Благой приподнял голову, посмотрел вперёд. Выходит, «летуны» на мосту – не редкость. «Братишка» прав - через пятьдесят метров барьерный бордюр переходил в монолитные щиты, обозначающие, как видно, самую опасную часть трассы. Воткнёшься в такой, и считай – осознанный выбор: не «улетел, в лепёшку разбился», а просто «разбился в лепёшку». Он хмыкнул «рациональное мышление – трупу всё равно, а для государства расходов меньше – не нужно водолазов напрягать».

— Согласен, повезло. — Мэт взбодрился и поднялся с земли, повернулся к Ремизу. — Чего бузишь? Не хочешь в больницу? Так и не надо. — Ухватив парня за повреждённую руку, резко дёрнул, чем извлёк из его горла пронзительный вопль. — Теперь в больницу не надо, а надо домой. Руку дня три подержать в покое, не напрягать – и всё пройдёт.

Лёкси ощупал плечо и сказал хмуро:

— Мне на кордон надо. Там гонка. Я — фаворит.

— Нет, парень, с такой рукой… - забудь. И проиграешь, и руке навредишь.

— Я выиграю! Я должен!

Теуш вмешался.

— Стоп. Идём к машине. Обещаю, всё решим, если честно ответишь на вопросы.

На вопрос «кто мог подложить бомбу?» Алёшка коротко буркнул – «не знаю», и стало ясно, что помощник в настоящий момент из него никакой.

— Парня всё равно надо в больницу, — тихо сказал Мэт, — с рёбрами – тоже беда. Сейчас отойдёт от стресса, и совсем скуксится.

— Да у него стресс только начинается, взгляни.

Благой глянул. Ремизов блестел лихорадочно глазами, губы кривились, щёки пылали. Да-а… не в больницу, а сразу в психушку! Совсем не то, что он помнил из своего прошлого. ТАМ Алексей Ремизов был весёлым, проворным парнем, был дружеским плечом, готовым поддержать в любых обстоятельствах. И это несоответствие памяти и реальности резануло Благого по самому сердцу. И он тут же принял ситуацию, отвергая своё прошлое сопротивление навязанной свыше роли. Вот он – Алёшка Ремиз, и он нуждается в твоём дружеском плече.

Мэт приблизил голову к паникующей физиономии подопечного и сказал тихо и просто:

— Ну, чего завёлся-то? Хочешь на кордон – едем на кордон. Всё там разрулим. Сказку не забыл? «Двое из ларца одинаковы с лица» - по щелчку всё, что душе твоей угодно.

Открыл перед парнем дверь автомобиля:

— Садись. Ты на какой машине будешь соревноваться? Твоя потонула.

Лёкси зашипел от боли, втискиваясь в салон автомобиля.

— «Ласточка» в гараже, забрать нужно.

— Ну и поехали, — Мэт устроился рядом на заднем сидении. — Заберём. Скажи Теушу куда ехать.

И, дождавшись, когда пункт назначения был объявлен, продолжил разговор.

— Что за гонка, трасса какая? Кольцевая, трофи?

— Ралли-кросс.

— За штурмана?

— ОпС. В смысле операционная система. У меня «Ласточка» сама просчитывает территорию – покруче любого штурмана.

— А если связь вдруг пропадёт? Твоё «ОпС» превратится в «Упс!», — удивился Благой. — Как тогда?

— Скажу: «Аллилуйя!» - и вперёд, — забывшись, Лёкси махнул рукой, указывая направление, и скривился от боли.

Благой коротко хмыкнул:

— Что «автоштурман», что «аллилуйя» — всё на букву «а», — и продолжил расспрашивать. — А итог? На время, или до ленточки?

— До ленточки.

— Да? Ралли- кросс, ты сказал. А старт как же? Тесно же.

— Все серьёзные игроки идут в последних рядах. Фору дают – понты такие.

— Значит, регламент вольный?

— Да, микс.

— За интерес, за славу или по-простому?

— По-простому: за деньги.

Замолчали. Потом Ремизов вздохнул и сказал нерешительно.

— Подумал про бомбу. Может Молчун? Я ему денег должен – все сроки вышли.

Благой с сомнением качнул головой.

— Вряд ли. С трупа взятки гладки. Тут какая-то личная вендетта. Кому-то так насолил, что поперёк горла встало.

— Это, да, — оскалил зубы Лёкси в попытке рассмеяться, но охнул от боли и так и остался с неродившимся смехом на губах, — «солить» я мастер.

— Выигрыш хотел Молчуну снести?

— Да. И снесу!

— Бросай похвальбу эту. Тебе сейчас не чихнуть, ни… сам знаешь, что. И даже не посмеяться над этим! Молчун твой перетерпит.

— Да Молчун-то перетерпит… а вот Колум за меня большие бабки вложил. Вот он не простит.

— Приехали, — прервал беседу Теуш. — Ключи от гаража дай.

Алёшка зашипел, пытаясь вытащить из кармана штанов брелок. С третьего захода удалось.

Мэт тихо сказал Теушу.

— Всё слышал?

Тот кивнул.

Мэт, припомнив слова «брата» об уникальной способности управлять различными транспортными средствами, вплоть до помела, улыбнулся и спросил:

— Так что? Помело тебе в руки?

— Легко и просто, — откликнулся Теуш, принимая от Лёкси ключ. — Вы тут ещё минут пяток покалякайте, я осмотрюсь. — И выскочил из машины.

— Что значит, осмотрюсь? — занервничал Ремизов. — Что он собирается делать?

— Неправильно ставишь вопрос. «Что Мы собираемся делать?» — вот так нужно. А мы с тобой уже всё, что нужно сделали. Теперь пусть братец порадеет. Уверен, справится. Главное, ему не возражать – и всё получится.

Глава 7

Теуш вернулся, как и обещал – скоренько. Мэт вылез из машины ему навстречу, взглянул вопросительно.

— Справлюсь, — коротко ответил на его взгляд «брат» и предложил, — я на «Ласточке», вы впереди – дорогу до кордона Алёша покажет. Сам-то, как за рулём?

— Не Шумахер… но довезу.

Теуш пригнулся, спросил в окошко:

— Призовой фонд как сформирован?

— От участника фиксированный вклад, остальное – по желанию. Можно и на себя поставить и на оппонента. Наверное, Колум ещё с интересантами докручивает, но это – его кухня. Нам от них если и капает, то чуть. Зачем тебе знать?

Теуш не ответил, пробормотал себе под нос, направляясь в сторону «Ласточки»:

— Учредители – сами игроки, на этом и построим…

Они подъехали к освещенному квадрату, на котором толпились люди: слонялись, переговаривались — атмосфера нетерпеливого ожидания витала в воздухе. А по краям в строгом порядке, будто назло суете, светили фарами гоночные автомобили.

Стоило им остановиться, как всё завертелось. Из толпы выскочил крепкий мужчина, совершенно лысый. Его темя ловило свет со всех сторон, становясь автономным источником сияния. Он подлетел к «Ласточке».

— Давай, Лёкси, давай! — заторопил он сходу, а увидев, что из машины вылез совсем не Лёкси, опешил. — Ты кто?

Ремиз с трудом выбрался из припаркованной Мэтом машины и крикнул лысому:

— Колум, я тут!

Колум на крик среагировал быстрым взглядом, и сразу заценил скрюченность фигуры и донельзя обшарпанный вид.

— Чо за дела-а? — сделал движение, чтобы метнуться к Алёшке, но был остановлен Теушем.

— Видишь, — сказал тот, — Лёкси не в состояние сесть за руль. Парень – герой, спас моего брата. Вытащил из горящей машины, сам пострадал при этом – за такое не осуждают. Лишь благодарят. Позволь мне его отблагодарить.

— Как?

— Пройду трассу вместо него.

— Знаком с ней?

— Нет.

— А с «Ласточкой»?

— Мы поладили.

— Так сразу?

— Бывает. Как с женщиной: иногда сразу чувствуешь — пойдет или нет. Тут – полный контакт, «Ласточка» подо мной пела.

Колум задумался на мгновение, потом отмахнулся.

— На хрена мне это? Пусть Лёкси сам расхлёбывает.

— Можешь, конечно, на него всё повесить. Формально он виноват, но где справедливость? И потом, по факту, вклад он внёс – имеет право участвовать.

— Пусть сам за руль и садится.

— Он сильно расшибся — проиграет. А я привезу результат.

— Ой, ли? Не зная трассы, не зная машины…

— Колум, он спас моего брата. Я для него готов луну с неба вынуть. Неужто, с какой-то гонкой не справлюсь?

— Да хрен с вами! Мне, что так, что сяк — всё равно, как ужаку на сковородке… вдруг, и в правду выиграешь! Пойду перетру с парнями.

Колум отошёл к плотной группе, составляющей ядро этого собрания и принялся что-то говорить.

Теуш подошел к своим спутникам, сказал:

— Имейте в виду, Алексей у нас — герой. Спас моего брата, — кивнул Благому, — тебя то есть, из горящей машины.

Лёкси Реми зашипел:

— Чего выдумал? Зачем?

— Чтобы оправдать смену игрока на трассе.

— Сам хочешь?

— Не то, чтобы хочу… подчиняюсь обстоятельствам, скорее.

— Ты не сможешь. И автоштурман не спасёт! Там на одном участке тьма кромешная, только кто знаком с местностью пройдёт.

— Ты прошёл бы?

— Да.

— Так и поделись опытом. Всегда есть зацепочки.

Ремизов задумался.

— Держи всё время в право, как только подойдёшь к оврагу… — и встрепенулся. — Давай, за штурмана с тобой пойду.

— Боже упаси! — вскричал Теуш. — Никаких совместных гонок!

Он тут же вспомнил, как там – в другом измерении, кувыркалась их машина по крутому склону. Раза три перевернулась – уж как он сам при этом не пострадал? Только Богу и известно. А тело Алёшки, вылетевшее после третьего удара из салона, перекорёженное, окровавленное, спустя столько времени! преследует его в ночных кошмарах.

И, озарённый внезапным предположением, похолодел от мысли — вдруг его сюда и привели ради этого — снова искалечить Ремизова. От такого допущения осатанел просто. Взглянул в строну Колума. «Чего тянет? Парни не согласны? Так я их потороплю». Он решительно приблизился к переговорщикам. Вошёл в круг не стеснительно – как свой к своим.

Дебаты были в самом разгаре.

— Что значит – заменить? Кого он там вместо себя приволок? Вдруг… — говоривший замер, пытаясь отыскать подходящий эпитет.

Другой иронично за него продолжил:

— Призрачного гонщика… (прим. герой комиксов) Не выдумывай, кого бы он не притащил, лучше Лёкси, может быть только Лёкси… ну, или я.

— Тем более! — сопротивлялся оппонент. — Заведомо слабый противник — не честно по отношению к Лёкси. Пусть не мудрит, выплатит компенсацию за отказ и валит. И не мешает! Колум, давай уже начинать!

Теуш громко цыкнул зубом, будто собирался смачно плюнуть, и сказал громко, весело:

— Я вас сделаю. Я вас всех сделаю! — его поднятый указательный палец, двигался по кругу, тыкая в каждого участника – десять раз тыкнул! — На чужой машине, на не знакомой трассе – я вас всех сделаю.

Он не красовался, он намеренно провоцировал. Пусть видят, он – не гость, он – соперник. Вызов был брошен, но противники еще колебались в принятии решения. Теуш засмеялся.

— Колум, водка есть?

Колум смотрел с интересом и кивнул помощнику, который метнувшись к пикапу, вернулся с бутылкой водки.

Теуш скрутил крышку у ёмкости и, запрокинув голову, опустошил, будто газировку глотал – быстро и со вкусом! Сунул пустую тару в руку Колума и произнёс спокойно, почти скучающе:

— Даже после этого – я вас сделаю. Как два пальца об асфальт.

Эта нарочитая небрежность - просто констатация факта стала определяющим моментом. Колум хлопнул его по плечу, решаясь.

— Давай, парень, ты в деле.

И все двинули на стартовую полосу.

Благой подошёл к Благолепову.

— Что ты сделал? Зачем?

— Отвечаю, по порядку, — спокойно откликнулся Теуш. — Стимулировал ребят к принятию правильного решения – это раз. Договорился со своим инстинктом самосохранения – на время заткнул ему рот. Это два.

— Как за руль после бутылки водки? Тебя накроет.

— Не сразу. Адреналин с алкоголем у меня прекрасно взаимодействуют и никогда друг другу не мешают. Скорее сотрудничают – такая уж у меня особенность организма. Отрублюсь позже, когда выиграю. И заметь, — голос Теуша стал жёсток. — Если мне суждено сегодня вылететь с трассы, я вылечу. Но сделаю это один!

Он не вылетел с трассы — и выиграл. «Поплыл», когда услышал, как у Ремиза тренькнул телефон, сообщая — деньги пришли.

Колум слово держал: тут же, перед гонщиками, разгорячёнными скоростью, противоборством друг с другом, произвёл расчёт. Выглядел довольным, было понятно, Колум тут не в убытке.

Итог был достигнут. Теуша качнуло, подсказывая, что адреналин весь вышел, уступая место чистому алкоголю. Он пошёл к машине, не к «Ласточке»: хотелось просто рухнуть на сидение и вырубиться.

Его догнал Колум, придержал за локоть.

— Парень, давай работать вместе.

Теуш отмахнулся:

— У тебя есть Лёкси.

— Ему теперь лечиться месяц, а то и больше. Мы с тобой за это время бабок срубим – карманы треснут.

Теуш выдернул локоть из цепких пальцев Колума.

— С Мэтом договаривайся, он — мой агент по связям.

А «агент по связям» уже и сам спешил на помощь, сказал прямо:

— Ты на нас не рассчитывай. Мы у Лёкси в гостях и долго не задержимся. Хочешь дружить? — помоги. Отгони «Ласточку» в гараж. Алёшка устал, Теуш «спёкся», а мне не раздвоиться.

Колум не отказал, отогнал «Ласточку», а прощаясь, предложил:

— Ты подумай вместе с братом о моём предложении – денег много не бывает.

Тут возразить было нечем, и Мэт согласился:

— Завтра с ним обсудим. — и, махнув рукой в прощальном жесте, поворотился к Ремизу. — Командуй, Алёша.

Лёкси сверкнул глазами, скосоротил губы в ухмылке:

— А давай, по бабам!

— Вон как?! — удивился Мэт. — А вроде тебя дома невеста ждёт – тренируется перед встречей, так ахает, что из сада слышно.

Ухмылка задвигалась, собираясь перерасти в смех, но завяла под протестом обиженных падением рёбер. И всё равно голос у молодого Реми остался весёлым.

— Маргоша-то? Она – Славкина племянница, почитай, родня! Да и брачными узами её не прельстишь – та ещё заноза.

— А Славка у нас – кто?

— Жена папашина.

— Мачеха?

Парень нахмурился и ответил сердито:

— Рядом с этой женщиной ни одно слово на «ма» и близко стоять не будет.

— То есть, с ней ты в «контрах»…

Лёкси помрачнел ещё больше.

— Н…ть на неё.

Мэт кивнул, принимая ответ.

— Конкретно, но не эстетично. — Тронул машину. — А знаешь, согласен – по бабам! Только с оговоркой… чтобы все были в белых халатах и с красным крестиком на карманчике.

— Любишь ролевые игры?

— Особенно в реальной обстановке. Представь: ты и миленькие докторши, и все вокруг тебя прыгают, прыгают…

— Представил. А ты, в таком случае, где?

— Ну, как – где? Ожидаю в машине, конечно.

Алёшка охнул, хватясь за бок.

— Мне сейчас и с одной не справиться…

— Вот и я о том же, парень. Но докторши вокруг тебя попрыгают! Говори, куда ехать.

Алёшка вновь схватился за торс.

— Прав, нужно глянуть, чего там… Только не к докторшам поедем, и не в госпиталь. Только сунься туда – сразу отцу отсигналят. Давай, сейчас прямо до поворота, потом направо и — с километр. Там у знакомого частный кабинет – практикует среди голытьбы. Денег – ни ахти при этом, зато практика богатая… позвоню, разбужу – пусть взглянет.

Глава 8

«Доктор для голытьбы» выглядел заспанным, да и пришёл к дверям кабинета в тапочках на босу ногу и пятнистой пижаме. Благой скользнул взглядом по его затрапезному виду и решительно протиснулся вслед за приятелями в кабинет.

— Сказал, в машине будешь.

— Подумал, что он посмотрит, что я посмотрю — одинаково получится.

— Да ладно, тебе, не утрируй. У меня рентгеновский аппарат есть. Сейчас глянем, — зевнул доктор, открывая широко рот, будто заодно хотел показать посетителям и свои внутренности.

Вердикт он вынес бодренько:

— Хуже, чем прошлый раз, но лучше, чем в позапрошлый. Трещины в ребрах – двух, справа. Вывих, как понял тебе вправили. В следующий раз так не делай: можно навредить. Ну, угрозы жизни не вижу. Покой, питание, позитивный настрой – ты молодой, заживёт, как на собаке.

Порылся в шкафу среди коробок и, вопреки успокоительным словам, наполнил пакет едва не под завязку.

— Всё как обычно. Схему ты знаешь.

Мэт перехватил протянутый пакет в свои руки и, не стесняясь, принялся изучать содержимое. Объём придавали коробки со шприцами.

— Это что?

— Разбираешься в медицине?

— Как всякий разумный человек должен хотя бы понимать: от чего и зачем.

— НПВП и препарат для поддержания костной ткани.

— А конфетки?

— Бонус — аскорбинка. Лёкси её обожает.

Помогая Ремизу сесть в машину, Благой тряхнул у него перед носом пакетом:

— Из всего этого будешь только аскорбинку лопать. — И, когда отъехали от кабинета, продолжил. — Костную ткань твою доверим повару. Ведь у тебя есть повар? — набросаю ему меню. Дыхательной гимнастике научу сам. А насчёт боли… с ней можно договориться. — Он улыбнулся. — Исключение — боль от сердца, которому не ответили. У тебя есть в теле неразделённая любовь, Лёха?

— Нет. Любовь и тело я чётко разделяю.

— Вот и я… — он хмыкнул, изогнув бровь, подбирая корректную формулировку, — дружу… только с теми, кто разделяет, а неразделённых отпускаю с миром.

— Хорошо, что у тебя всё так просто, — подал голос с заднего сидения Теуш.

— А! Братец взбодрился… Чего так? – спи дальше.

— Поспишь тут с вами… бубните всю дорогу. — «братец» сладко потянулся, расправляя плечи. — Покемарил чуть, а будто сутки проспал… то ли водка у них слабее, то ли адреналин круче.

Теуш будто подзарядился энергией — подступился к Лёкси.

— Отец не в курсе твоих рейсерских забав?

А Лёкси уже выдохся. Был вял, отвечал неохотно.

— Думаю, знает, но притворяется, что нет.

— Почему?

— Не мог же он мне запретить всё на свете. Мы просто молчим, и все довольны. Я не скандалю, он реноме держит – лучше и быть не может.

— А про долги твои знает? — не утерпел с вопросом и Мэт, хотя и понимал – пора парня оставить в покое.

— Нет. Я с ними всегда вовремя разбираюсь. Вот только в этот раз с Молчуном осечка вышла. — Осторожно вздохнул, цедя воздух сквозь зубы. — Хватит уже этих вопросов. И так уже столько рассказал… Достаточно заплатил за вашу помощь? Или нужно ещё и деньгами?

— Что ты! — усмехнулся Благой, — твой папа нас уже на довольствие поставил. А с тебя, мажора безответственного, какой спрос?

— Тут прав – что хочу, то и ворочу. Но я должен был спросить. Сам знаешь.

— Знаю, Алёшка…— протянул Мэт, — даже больше, чем ты можешь предположить.

Он и правда мог многое рассказать о той, другой жизни, где они с Алёшкой были друзьями. Вплоть до того, как едва не лишил его жизни своим любимым «шайтаном»… Вздохнул, прогоняя воспоминания.

— Расслабься, скоро до дома доедем – отдохнёшь. Остальное решим завтра.

Вопреки утверждению, что из лекарств позволит лишь аскорбинку, Благой принёс в спальню к Алексею шприц с обезболивающим.

Едва они въехали в ворота усадьбы, парня будто подменили. Стал злым, колючим. Он даже в лице изменился – поселилась на нём высокомерная гримаса, а взгляд стал быстр и занозист. Лёкси осклабился в ехидной улыбке, завидев шприц.

— А я думал, придёшь договор с моей болью заключать.

— Завтра заключим, — миролюбиво откликнулся Мэт. — Сегодня ты умотался, без укола не уснёшь. Сам справишься, или мне помочь?

— Всегда сам справлялся и сегодня справлюсь, — буркнул Алёшка. — Иди отсюда, нечего на меня глазеть.

Благой посмотрел на этикетку, пришпиленную на пластиковый корпус шприца. Кстати, очень удобная форма, препарат сразу заправлен в шприц – освободил от вакуумной упаковки, и действуй. Чуть помедлил, прежде чем отдать, колебался – стоит ли усложнять? И всё же спросил:

— Содержимое соответствует заявленным параметрам?

Лёкси прищурился и спросил задиристо:

— Если, нет? Как проверишь?

— Допустим, попрошу твоего папу… Ему будет интересно, чем его сын ширяется по ночам.

Ремиз передразнил.

— «Попрошу папу»… как в детскую зашёл.

— Так и не веди себя, как ребёнок.

— Так и спроси, как человек!

— Согласен. Отбросим дипломатию к чертям, — кивнул на шприц, — Не наркота?

— Нет.

— Точно сам уколоть сможешь?

— Смогу. В бедро.

— Валяй. — Направился к выходу. — Если понадобится, я внизу на диване сплю. И учти, я очень чутко сплю.

Диван был занят Теушем. Он снова сидел, уткнувшись в телефон. Мэт остановился напротив.

— Скажи, это отвратную привычку залипать в мобильнике ты здесь подцепил, или всегда таким был?

— Я делом занят. И радею за тебя, между прочим.

— Вот спасибо-то!.. Кстати, а за что?

— Посмотри на себя: рубаха, как у шахтёра в стадии трудового энтузиазма. Штаны – ничуть не лучше, благо, что чёрные – не так заметно. Да у тебя даже чистых трусов нет.

Мэт, озадачиваясь делами практическими, погладил затылок быстрым движением ладони и согласился:

— Отправил вещи грузовым транспортом. Не мог и предположить, что занесёт… невесть куда. Хорошо, хоть капли для глаз в рюкзак засунул. Вот ты – молоток, футлярчик с каплями на шее носишь… предусмотрительный. Вот бы и мне такой футлярчик для себя предусмотреть.

— Уже! Утром будет тебе и одежда, и футлярчик, — тряхнул телефоном, — заказ оформлял, а вовсе не развлекался, как ты думал.

— А бабло откуда?

— Убедил господина Реми выдать нам аванс.

— Когда успел?

— Сразу! До подписания договора, который, кстати, ты подмахнул, не читая.

— Говорю же, предусмотрительный… но такой занудный! — Мэт тихо засмеялся. — Всё время думаю, неужели из меня мог получиться такой «я»?

— Да не занудный я! — вспылил Теуш. — Твоей жизнью, между прочим, жил весьма успешно. Друзьями обзавёлся, которых у тебя до моего «вторжения» и не было. И разговаривать я умею по-разному, в любом сегменте общества сойду за своего. Просто, сейчас я хочу быть исключительным, на тебя непохожим. Думаю, два одинаковых Матвея Благолепова в одном и том же месте – перебор. Поэтому, роли разделяем: я – прагматик, ты – человек действия. Уйди от действительности, думай, что мы и в самом деле близнецы. И, давай, больше не будем поднимать эту тему – иначе, рассоримся.

— Ты прав. Не могу привыкнуть… но постараюсь. Кстати, и я, когда был тобою, прекрасно справлялся с ролью – имиджа твоего не испортил, — засмеялся, — даже Великий Князь Дмитрий Николаевич своими регалиями меня не смутил.

— Ты общался с Дмитрием Романовым?

— Да. В рамках созданного совместного проекта. Вернее, он предложил, а я не отказался.

— Ему повезло, что мы с тобой поменялись местами. Я ему не простил, да и не прощу никогда.

— Что он сделал?

— Вмешался, куда не следовало. Не прояви он любопытства, я так бы и остался влюблённым слепцом. Глядишь, и жизнь завертелась бы в другую сторону…

— Уверен?

— Не особо…

— Как думаешь, может быть, нам стоит рассказать друг другу… — Благой замялся.

Теуш понял его с полуфразы.

— О том, как мы прожили жизнь в гостях друг у друга? — Задумался. — Нет. Несмотря ни на что, это была моя жизнь. Пусть моей и останется.

— Не любопытства ради… вдруг, всё вернётся «на круги своя»?

— В таком случае… Начнём всё с чистого листа, — Теуш грустно улыбнулся, — опыта в этом нам с тобой не занимать.

С тем и разошлись: Лепов вытянулся на диване с намерением поспать, а Благой вышел на крыльцо домика и определил самое выгодное место для скрытого поста наблюдения. Вон там, между стволом разлапистой акации и побегами какого-то цветущего кустарника. И выйти из тени, и войти в тень – одинаково удобно. Через каждые… пятнадцать минут круговой обход здания, и для бодрости, и для бдительности – весьма полезно!

Только осуществить свои намерения он не успел. К дому решительно направлялась женщина, которую он уже видел в подвале во время «разминки» с охранниками господина

Реми. Как там её называл хозяин усадьбы? Славушка!.. А Лёкси позднее пренебрежительно — Славка… та самая, рядом с которой слог на «ма» стоять не должен.

Женщина была хмурой, по сторонам не смотрела. Взлетела по ступеням быстро, и лишь после этого Благой понял, что она настолько напряжена, что не видит его, стоящего прямо на пути следования.

— Добрый вечер, — сказал Мэт практически в лицо даме.

Она дёрнулась и откачнулась назад, едва не потеряв равновесие на краю ступеньки. Мэт аккуратно придержал женщину за локоть.

— Могу я вам чем-то помочь? — вежливо выдал дежурную фразу.

Она яростно сверкнула очами и отдёрнула руку.

— Лёкси где? — и ответила сама, не дав и рта раскрыть, — Он вернулся, охрана у ворот его видела.

— Он спит и просил не беспокоить.

— А я вот, как раз, и побеспокою, — Славушка сделала шаг в сторону, чтобы обойти живую преграду.

Мэт взял нежданную посетительницу за локоть, теперь уже крепко взял, без деликатности.

— Не могу вам этого позволить. Но, если вы поясните суть возникшей проблемы, готов помочь в её преодолении.

— Ты знаешь, кто я? — рассвирепела дама.

— Догадываюсь. Вы – жена господина Реми.

— Вот именно! И всё здесь, — женщина экспрессивно взмахнула свободной рукой, — принадлежит мне. Поэтому я могу ходить везде — когда угодно! и к кому угодно!

— Не сомневаюсь в этом, но Алексей Петрович вряд ли сейчас в состоянии удовлетворить ваши чаянья, в чём бы они не заключались.

— Здорово! Он нализался! — взъярилась дама и попыталась освободить локоть от захвата настырного охранника – дёрнула, но не преуспела.

— Не стоит делать таких резких движений, — ровно посоветовал Мэт. — На коже могут появиться синяки.

— Да ты издеваешься?!

— Просто предупреждаю и, вопреки вашему нежеланию, меня услышать, снова спрашиваю – чем я могу вам помочь? Потому что, в настоящее время никто, кроме меня, в этом доме, — качнул головой себе за спину, поясняя, о каком доме говорит, — вам помочь не сможет.

Женщина поджала губы и сухо сказала:

— Мне нужно ехать, а он забрал мою машину. В гараже её нет.

Мэт едва сдержался, чтобы не ляпнуть «нет, и уже не будет».

— Есть другие машины. Господин Реми предоставил и нам машину. Я могу на ней отвезти вас, куда необходимо.

— То есть, ты не знаешь, куда он дел машину?

— Не знаю. Мы вернулись на нашей машине. Спросите у наружной охраны, они подтвердят.

— Хорошо. С этим разберусь завтра, когда Лёкси проспится. А ты подъезжай к главному входу, я выйду через пару минут. Да, приведи себя в порядок – рубаха, как у клошара.

Мэт посмотрел во след даме, устремившейся темпераментно к дверям «пентагона».

— Похоже, характер – не конфетка… но формы впечатляют.

Он вошёл внутрь дома и разбудил заснувшего «брата».

— Вставай, твоя очередь дежурить.

— Вот тебе раз, не успел глаза закрыть… Уже утро?

— Хуже – всё та же ночь. И, боюсь, хорошим она не закончится. Наш парень взял чужую машину. Во что она превратилась, ты знаешь. Я повезу хозяйку. Что за срочность у неё – без понятия, но счастливой она не выглядит.

Сняв рубаху, отыскал свой рюкзак и вытащил тонкий полувер, что составляло на данный момент единственную его сменку одежды. Свитер обтянул его бицепсы-трицепсы весьма откровенно, а из у-образного выреза нестеснительно выглядывала наколка.

Теуш покачал головой.

— Ну что за водитель! Скорее, жигало. Уверен, твой вид хозяйке не понравится.

Мэт не смутился:

— Пусть не смотрит.

Глава 9

За две минуты, госпожа Реми, конечно, не справилась. Мэт подогнал машину, заглушил мотор и вышел наружу, по давно устоявшейся привычке избегать неожиданностей прихватил ключ зажигания с собой. И как в воду глядел!

Славушка, одета была во всё черное: брючный костюм, кружевной топ, тонкий шарф на голове – всё отливало антрацитом. «То ли на панихиду едем, то ли в шпионов играем», — подумал Благой.

Дама решительности своей не растеряла. Наоборот, казалось, оттенок одежды придал ей твёрдости. Коротко взглянув на Благого, предусмотрительно распахнувшего перед ней дверцу автомобиля там, где и положено — сзади, не пошла в его сторону. Дёрнула переднюю дверцу, забираясь на водительское место. И через секунду потребовала:

— Ключи давай!

Мэт неторопливо захлопнул дверцу, захлопнув при этом и все свои намерения быть сдержанным. Он шлёпнул ладонью по её руке, вытянутой из салона в требовательном жесте, — не сильно, но решительно, будто поприветствовал приятеля.

— Двигайтесь. Вы едете либо со мной, либо вообще не едете. На улице ночь, не хочу потом выслушивать претензии господина Реми, что отпустил вас без сопровождения в такую пору.

— Пётр Алексеевич уехал, у него с утра встреча в другом городе.

— Тем больше причин сопровождать вас.

— Мне некогда с тобой пререкаться, — разозлилась дама.

— Так и ненужно, просто переберитесь на другое сидение.

— От того, что ты снял грязную рубаху, не стал выглядеть лучше, — сухо сказала женщина, передвигаясь на сидение рядом.

Поднимала при этом коленки высоко, едва не складываясь пополам.

«Не только формы впечатляют, но и манера использования их в процессе движения. Неплохо было бы познакомиться с этим процессом поближе», — цинично отметил Благой про себя, намеренно утяжеляя слог.

Не мог же он сознаться по-простому, без обиняков – «хочу бабу», после утверждения, что «воздержание закаляет характер». Хотя, наверное, мог потому, что чрезмерное воздержание характер портит. Готов был над этим посмеяться, но, оценив хмурое личико пассажирки, сдержался. И ответил по существу замечания.

— Господин Реми по своему желанию может облачить нас хоть в тюремную робу, при условии, что сам её и предоставит. На текущий момент я воспользовался тем, что было у меня в наличии. Если в том месте, куда мы направляемся, могу своим видом кого-то смутить, заранее извиняюсь. Чтобы такого не допустить, готов не выходить из машины.

Она пристегнула ремень безопасности и назвала адрес. И снова заговорила, возвращаясь к прерванной теме.

— У тебя, что же, кроме этого свитера ничего нет?

Мэт всё же рассмеялся.

— Ничего! Даже трусов чистых!

Она его весёлости не поняла.

— Зато хамства в тебе с избытком. Интересно, братец такой же?

— Нет, что вы! Теуш – джентльмен.

— Машину останови. Поеду с твоим братом.

Мэт и не подумал подчиниться, взглянул на панель навигатора: езды минут на сорок – наговорятся всласть...

— Похоже, вы снова меня не слушали. Сказал, что из всех обитателей садового домика, только я в рабочем состоянии.

Славушка фыркнула:

— Пётр в своём репертуаре, нанял невесть кого. Один – быдло, другой – алкаш.

— Как вы здорово ярлыки клепаете! — восхитился Мэт. — Может быть и мне попробовать?

— Не перегибай, даже хамству есть предел.

— Вот тут вы ошибаетесь – нет никакого предела. Мне здесь всё глубоко безразлично, поэтому и не сдерживаюсь.

Сказал и понял, что соврал. Он уже взял на себя ответственность за жизнь Лёкси Реми. А сейчас уже впрягся решать проблемы этой красивой стервы. И от этого осознания рассердился, и на самом деле ступил за черту, отделяющую оправданную грубость от осознанного хамства.

— Как мне следует вас называть? Славушка, как называет вас супруг? Слишком интимно… Славка, как предпочитает именовать вас Лёкси? Фамильярно…

Женщина искоса стрельнула в его сторону глазами и нарочито громко рассмеялась.

— Учить тебя вежливости… бесполезно!

— Дурака учить – что мертвого лечить, — согласился Мэт весело. — К тому же, вы не учить желаете, а поучать.

— Есть разница?

— Конечно. Учение – процесс добровольный, а поучение – диктат.

— А диктата ты не признаешь, верно?

— Нет, не верно. Я перерос обе стадии, и учить, и поучать меня, как вы тонко заметили, бесполезно. А вопрос мой, пусть не по форме – по сути, справедлив. Не могу же я обращаться к вам – «эй!».

— Милослава Альфредовна.

Благой тихонечко хмыкнул – мог бы и догадаться, что имечко соответствует содержанию — начало, как ласка, завершение – удар хлыстом.

— Что? — она не оставила его хмыканье незамеченным.

— Язык сломаешь, говорю, — продолжил Мэт изображать из себя «быдло».

А чего она хотела? — нужно соответствовать пришпиленной этикетке.

— В таком случае, говори мне – госпожа Реми. Это не сложно?

— Это не сложно.

И даже правильно! Что ты сейчас творишь, Матюха Благой? Возбуждаешь к себе интерес, а дама замужем… Остановись, пока не стало поздно.

И он остановился, но лишь потому, что прибыл к месту назначения. Проявляя положенную шоферу по статусу галантность, открыл перед пассажиркой дверцу, огляделся… и, закрыв машину, решительно направился следом за хозяйкой.

— Ты обещал остаться в машине, — холодно заметила Слава.

— Передумал. Понял, что своим видом никого не смогу здесь смутить.

Уж это точно! В такую урбанистическую помойку заехали… удивительно, что у этого отстойного места существовал адрес. Разруха, бездорожье и зловоние – самые безобидные эпитеты, что рождал мозг, глядя на открывшуюся картину. Впрочем, вглядевшись, он обнаружил — их автомобиль здесь не единственный. Из кустов, пышно растущих на территории, проглядывали и другие автомобили – роскошь соседствовала с убогостью.

— Что вы забыли в таком неподобающем месте, госпожа Реми? — тихо поинтересовался Мэт.

— Не лезь не в своё дело.

Они подошли к какому-то массивному сооружению. Тёмное, а в свете скудно горевшей под козырьком двери лампочки, так и вовсе устрашающее, общего впечатления упадка не раз-

рушало. Славушка достала из кармана брюк брелок и приложила к круглой пипочке, расположенной по центру ворот. Раздался писк и створки разошлись – поехали в сторону, будто по рельсам. Путь внутрь был открыт.

А внутри было людно… Благой быстрым взглядом окинул перспективу и засмеялся – опять! Ощущение, что ты - актёр, застрявший в одном и том же амплуа, стало на удивление реальным. Он тут же себя успокоил: чего хотел? — Версаль, или дворец Фарнезе? Кто ты? По сути — коммандос, машина для устрашения и убийств. И роль для тебя привычная. Каким родился, таким и пригодился – не на кого сетовать. А если и есть, то тебе не известно, где его искать.

А конкретно тут и искать не надо… – сейчас и обозначат, для чего ты здесь. Он подошел совсем близко к своей хозяйке, чтобы ничего не пропустить.

Славушка разговаривала с крепким седым мужчиной. Разговор был неровный и для женщины нервный.

— Привезла? — спросил мужчина.

— Нет.

— Почему?

— Уверена, что выиграю. Вот с моего выигрыша и заберешь. Не за чем туда-сюда возить.

— Тогда не будем затягивать, сразу и начнём.

Рука мужика взлетела, намереваясь отвесить собеседнице звонкий шлепок ниже спины. Благой был настороже, кисть перехватил и предупредил:

— Осторожнее… дядя.

— Слава, душа моя, — удивился «дядя», окидывая с любопытством внезапное препятствие своим намерениям, — это кто? — и тут же развеселился, — ты себе альфонса завела!

Милослава побелела щеками, готовая ответить неприкрыто грубо. Мэт быстро втиснулся между ней и мужиком и, приблизив губы практически к самому его уху, сказал несколько фраз. Ни одно слово из его речи нельзя было произнести в приличном обществе.

Мужчина отодвинулся, выглядел озадаченным.

— Что из этого ты не понял? — Мэт был хладнокровен.

— Всё понял. Ты сказал – не моё дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.